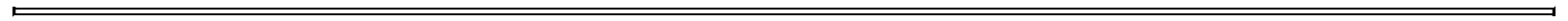

- [Андре Олдмен](#)

-

Андре Олдмен

Ум на три дня

(Конан)

Драка кончилась слишком быстро. Лишь четверо корчились на земляном полу таверны, выплевывая зубы, да еще один тихо сидел под столом, клевал разбитым носом в ладони, стараясь унять кровь. И тут появились стражники, два десятка. Неспроста появились, не иначе навел кто-то. Люди светлейшего Эдарта не имели обычая соваться в подозрительные заведения Пустыньки без особой на то надобности. Сегодня надобность, видать, была немалая, если два десятника, брюхатый Аббас по прозвищу Выбей Зуб и тощий Уруб, обладатель знаменитого на весь Шадизара длинного носа, притащили в воровской квартал своих толстопузых вояк — с копьями, щитами и мотками веревок у пояса.

Они вихрем влетели в дверь как раз в тот момент, когда Конан прикидывал, как бы половчее врезать пятому молодцу из компании, которая сумела-таки разогнать мутную одурь его похмелья и втянуть в махаловку. Тоже неспроста. Уж очень они старались: сначала корчили ему из-за своего стола гнусные рожи, перешептывались, подталкивая друг дружку локтями, похихатывая. Странные людишки, неизвестные. Похоже, рвань какая-то из предместий. Иначе как объяснить такое нахальное поведение? Киммериец, хоть и недавно появился в славном Шадизаре, но известен был уже не только в Пустыньке, но и далеко за ее пределами. Ну, может, не во всем городе, но по эту сторону Большого Канала — точно. Да и возле Восточных Врат, где селится люд побогаче, тоже.

Конана мучила неудержимая икота и полное отсутствие денег. Тааз-ака, духанщик, поднес, конечно, стаканчик в счет будущих услуг, но это дело не исправило. На душе было паршиво. Тем паче, давеча золотишко ускользнуло прямо из рук. Слышал, как говорится, звон... Что за собаки, Нергал их заberi, у этого Флатуна? Разве Митра сотворил собак не для того, чтобы лаять, отгоняя воров? Нет, эти твари таились молча, а когда оставалось лишь протянуть руку и взять — на тебе! Ладно, одну он задушил, сломав шею, вторую проткнул ножом... Но их было десять, а может быть и двенадцать, здоровенных туранских мастафов, черных, как ночь, разъяренных, как быки, которым под хвост насыпали. Еще две остались лежать у забора, но в доме уже зажигали огни, и пришлось уносить ноги.

Он потратил последнюю пару золотых в самой грязной таверне Пустыньки. Этого хватило, чтобы опустошить запасы Тааз-аки на две трети и получить на остаток ночи грязненькую девочку, к которой в другое время Конан не подошел бы и на полет стрелы. От девчонки пахло чесноком и дешевыми духами, которыми она, видимо, поливалась вместо того, чтобы мыться. Впрочем, неудачливому вору было все равно: напился он весьма изрядно.

Понятно, что творилось в юной душе киммерийца, когда наутро он появился в кривобоком зальце таверны. Выпив поднесенный вкрадчивым духанщиком стаканчик, он тут же высказал все, что думает по поводу качества его вина, присовокупив, что тех, кто держит подобное пойло, следует давить в чане вместе с паршивыми ягодами, сорванными не иначе как с дерева, растущего на могиле самоубийцы. Тааз-ака заискивающе улыбнулся и побежал за следующей порцией.

Пока он отсутствовал и случилась молниеносная драка. Видит Митра, не хотелось Конану махать кулаками, а случалось это редко, очень редко. Но уж больно старались неизвестные людишки, прямо-таки из кожи вон лезли. Когда наскучило корчить рожи, приблизились валкой походочкой, поигрывая рукоятями ножей, и разом загоготали, словно увидели перед собой невесть что смешное.

— Чего ржете? — не слишком злобно спросил Конан. — В морду захотели?

— Ой страшно мне, — глумливо заголосил рябоватый человечешко в широких шароварах и цветастой безрукавке на грязном теле, — ой побьет он нас! Сила твоя велика есть, отец доблести, краса четырех царств, не изволь гневаться, изволь слово молвить...

— Валяй, — разрешил киммериец, — только покороче, а то языком подавишься.

Он оставил свой пояс с ножом и свинцовой гирькой в комнате, где ночевал, но это обстоятельство нисколько его не беспокоило, хотя людишек против него стояло не меньше десятка. Хилые людишки, можно сказать, плевки зловонные. Киммериец испытывал нечто вроде вялого любопытства: чего нарываться?

— А правда ли, — ерничал дальше рябоватый, — что в твоей Киммерии, о волк свирепости, жрут сырое мясо, поливая его для вкуса мочой?

Если бы Конан успел принять второй стаканчик, этот вопрос оказался бы последним в приятной беседе, но тошнотворная муть и ломота во всем теле склоняли варвара к необычному терпению.

— Правда, — отвечал он, рыгнув в лицо собеседника, — едят печень врагов и поливают ее тем, что не держится в брюхе у трусов, подобных тебе. Очень вкусно. Сейчас Таа притащит кусок тухлой конины, ты на нее помочишься, а потом сожрешь, чтобы убедиться.

— Я же только спросил, — застонал с притворной жалостью рябоватый, — но если ты не ведаешь, как стоит разговаривать в культурных местах, мы напомним тебе, шакал, что ты не в своей дикой Киммерии. Пощекочем немножко, может, рассмешим...

С этими словами он потянул из-за пояса нож.

Если бы Конан желал продолжить беседу, он объяснил бы этому недоноску, что нож надо не тащить, а выхватывать, если, конечно, ты собираешься воспользоваться им всерьез. Но киммерийцу уже наскучили словопрения, поэтому пускаться в объяснения он не стал, а просто засветил рябому промеж глаз и тут же пнул кого-то еще под дых. Людишки загалдели, бестолково размахивая ножами, перепрыгивая через падавших под ноги сотоварищей...

Однако развернуться Конан не успел — ввалились стражники. Успевший очухаться рябой сразу же пополз к ногам десятника Аббаса и, лобзая украшенный бисером сапог, стал громко жаловаться на мужлана, каковой набросился на них, честных и законопослушных, не иначе взбесился... Выбей Зуб пнул его по ребра и коротко бросил своим людям, кивнув в сторону киммерийца: "Вяжи!"

Конан не стал дожидаться, пока разъявшиеся на казенных харчах блюстители порядка отцепят свои веревки. Подхватив лавку, он запустил этим снарядом в гущу стражников, вызвав среди них умный переполох, потом вскочил на стол, ухватился за стреху, качнулся и выбил голыми пятками квадратный щиток, прикрывавший лаз на крышу. Лазом этим пользовались не часто и знали о нем лишь самые доверенные люди.

Внизу горестно завопили, и Конан услышал, как толстый Аббас проклиная какого-то Наззира, не ведавшего, очевидно, что выйти из духана можно и через потолок. Решив, что Наззир, кто бы он ни был, несомненно созрел, чтобы слопать собственные кишки, киммериец припустил по крышам.

Дома здесь тесно лепились друг к другу, так что бежать было легко и привычно: юный варвар давно прозвал эту дорожку, позволявшую, если нужно, пересечь почти всю Пустыньку из конца в конец, не спускаясь на землю. Единственным препятствием были неглубокие овраги, рассекавшие воровской квартал и используемые местными жителями в качестве сточных каналов. Однако имелись места, где над этими зловонными ущельями заботливо перекинуты были доски, и знающему человеку овраги путь не заграждали: давай, Митра, только ноги!

Ноги у молодого варвара были в порядке и ни разу его не подводили. Киммериец легко перебежал по доске на плоскую крышу лепившегося к краю оврага строения и... застыл в изумлении. Дальше пути не было. Часть дома по неизвестным причинам рухнула, образовав внизу груды довольно острых обломков, так что прыгать вниз было довольно опасно, тем более без обуви. Конан уже собирался вернуться и поискать другую дорогу, когда услышал топот и яростное сопение. Бухая сапогами, к доске приближались пятеро стражников, предводительствуемые десятником.

Они остановились на той стороне оврага, и тощий Уруб недоверчиво попробовал ногой доску.

— Иди первым, — просипел Выбей Зуб, запыхавшийся от бега, — ты самый легкий.

— Сейчас, — буркнул Уруб, убирая ногу, — он, значит, по доске с той стороны вдарит, а я, значит, нырну... Отмывайся потом.

Толстый Аббас горестно воздел рук и заголосил тонким женским голосом:

— О горе мне, о я несчастный, что за люди у меня, за что наказываете меня, боги! Подумай, подумай, Уруб, шакалий сын, что скажет светлейший Эдарт, если мы не поймаем киммерийца!

— Сам шакал, — откликнулся Уруб мрачно, — и думай сам, ты тут главный.

Конан с удивлением прислушивался к разговору десятников. Вот так на, выходит его скромная персона заинтересовала самого главу городской стражи! кто бы мог подумать. Хотя числится за ним не столь уж мало, но чтобы стражники бегали по крышам Пустыньки, рискуя свернуть шею или нарваться на развеселых обитателей, которым сам Сет не брат... Такого еще не бывало!

— Эй, юноша! — сладко позвал с той стороны Выбей Зуб. — Зачем бежишь? Поговорить надо!

— Говори, — Конан присел на край крыши, готовый в любой момент отправить доску на дно оврага. — Только учти, один сегодня говорил уже. Зубы потом свои съел.

Аббас начал было багроветь, но взял себя в руки. Очень ему не хотелось объясняться со светлейшим Эдартом. Сей Эдарт, как поговаривали, никогда не повышал голоса, а палачи в подвале его дворца и вовсе были немыми. Что творили в подвалах с провинившимися, один Бел ведает, только в двух днях от Шадизара видели некоторое селение, где на полном казенном содержании доживают век многие бывшие стражники. Слепые, безногие, с отрезанными ушами и языками... Ловкач Ши Шелам утверждал даже, что сам Эдарт когда-то был вором, а посему отводит теперь душу, но прохвосту Ши верить, конечно, было трудно.

— Не надоело ли тебе, резвоногий северянин, скитаться в закоулках Шадизара подобно псу бездомному? — вещал Аббас, притоптывая от возбуждения мягкими сапогами. — Не наскучило ли чистить закрома почтенных граждан, рискуя своей молодой жизнью? Собаки у многих злы, стрелы калены, а слуги готовы забить дубинками кого угодно...

— Что-то не слишком ловко у них это выходит, — проворчал варвар, стараясь понять,

куда клонит десятник и отчего помянул собак: узнал ли о вчерашнем походе или так, к слову пришлось.

— Воистину, ты ловок и силен, — разливался Выбей Зуб, — а подобные люди дорого стоят, если, конечно, найдут правую сторону и высокого покровителя. Глядишь, послужа усердно, обретешь покой и довольство, содержание обретешь достойное, невольниц молодых, горячих. Чего бегать-то? Ступая на службу к Эдарту, как сыр в масле будешь кататься!

Туман рассеялся, все стало ясно. На службу, как же! Лучше бы сказал "в рабство", караваны охранять или подати из селян выколачивать. Пойманным преступникам, кто посильней да половчей, частенько заменяли подвал "верной службой" — с клеймом на левом плече, с дюжими костоломами в качестве командиров. Кровью, так сказать, вину искупить, по милости Эдарта и присных. Глупцы эти вшивые в духане не ведали, как их подставили: окажись при Конане меч или, на худой конец нож, выбитыми зубами не отделались бы. А тут и доблестная стража: пожалуйста бритесь"! Повязали бы за множественное убийство, и — прощай свобода. Ублюдки.

— Ублюдки вы, — сказал Конан, поднимаясь. — И катаетесь не как сыр в масле, а как дерьмо в нужнике. Псы поганые.

Аббас даже хрюкнул от досады, а тощий Уруб принялся размахивать саблей и пинками подгонять своих толстопузых к доске: вперед, мол, во имя Зефа, Бела, Иштар и кого там еще... Толстопузые полезли на узкий мостик, потев от страха. Впрочем, потеть им пришлось не долго: Конан легко толкнул доску, отправив стражников а омовение в зловонное чрево оврага.

— Матерью клянусь, поймаю тебя и язык твой поганый вырежу! — заорал Аббас в бессильной злобе, безобразно брызгая слюной. — Ослиный помет жрать заставлю!

— Сначала достань его из своего брюха, — отвечал Конан, неторопливо удаляясь от края крыши.

Он сделал не более трех шагов, когда кровля под ним провалилась, и с ужасными ругательствами варвар полетел в душное пыльное нутро дома.

Зрелище, представшее его глазам, когда пыль рассеялась, было достойно изумления. Довольно большая грязная комната с рухнувшей восточной стеной содержала множество разнообразного хлама: горшки с обитыми ручками, треснувшие кувшины, груды какой-то полуистлевшей материи, кипы рваных халатов, искалеченная с непонятной жестокостью мебель, большой оловянный таз с огромной дырой в днище, облезлое чучело макаки без глаз и даже пробитая во многих местах ржавая аквилонская кираса — явно мишень с какого-то стрельбища. Посреди этого великолепия распростерся ниц тощий человечек в засаленных обносках. В руке он судорожно сжимал приличного вида медный сосуд с двумя горлышками.

Конан приземлился на тюк слежавшегося тряпья, так что падение не вызвало особых неприятностей. Он отряхивал с туники пыль и приставшую солому когда человечек оторвал лицо от никогда не чищенного пола, взмахнул ручками и закричал дурным голосом:

— О величайший из дивов, о владыка сил земных и небесных! О отрада ничтожных, в прахе пресмыкающихся! Сжался надо мной, дозвожь припасть еще хоть разок к источнику твоей мудрости!

— Ты, что ли, Ловкач? — удивленно спросил Конан, распознав в человеке своего приятеля Ши Шелама. — Чего орешь и кто тут, хвост Нергала тебе в глотку, див?

Ши растерянно глянул на сосуд в своей руке, потом на варвара с стал безумно вращать

зрачками.

— Кончай придуриваться, — гаркнул киммериец, — отвечай, когда спрашиваю!

Ши сразу успокоился и принял свой обычный хитроватый и в меру подобострастный вид.

— Привет тебе, тигр моего сердца, — сказал он. — Прости дурака, думал, снова этот вылез.

И он помахал своей медяшкой.

— Что ты тут делаешь? Что за дом такой, почему рухнул, откуда барахло? — со свойственным молодости нетерпением Конану желалось узнать обо всем сразу.

— Дядька у меня помер, прими Нергал его душу, — печально сообщил Ловкач Ши. — Старьевщиком был, наследство вот оставил. Стал я разбирать вещички да радоваться, какая-никакая, а все же прибыль, если, конечно, купит кто. Глянь — сосуд этот медный, почти что новый. Ну, думаю, его-то продам, Бел свидетель. Присмотрелся — горлышко у него какой-то дранью замазано. Дай, думаю, проверю, что внутри-то. Сковырнул, а он вылезает...

— Див?

— А кто ж еще под печатями таиться может? Дым повалил, вонища... Гляжу — сидит, ус крутит.

— Что-то не слыхивал я, чтобы нежить усы крутила, — удивленно пробормотал киммериец. — Хвосты, сказывают, бывают у них, крылья там, но что усы... Врешь, небось?

— Да провалиться мне на этом месте! Да сожрут желудочные черви мне брюхо! Да...

— Ладно, валяй дальше, — прервал варвар поток клятв, которые, как все знали, Ловкач Ши легко раздавал направо и налево при всяком удобном и неудобном случае.

— Чего дальше? Испугался я, душа в пятках, нос в росе... Сидит див на клубе дыма и ус крутит. Я-то всегда считал, что демоны эти служат тем, кто их освободит из заточения, уважение спасителям выказывают... А этот — ни здрасьте тебе, ни еще чего — сразу спрашивает: где тут, говорит, дочь человеческую сыскать можно? Очень, говорит, я изнемог за семьсот годов без дочерей человеческих... И еще червем обозвал.

Конан задумчиво поскреб затылок. Он не исключал, что Ловкач просто над ним потешается. Правда, проверить в это было трудно: не стал бы Ши играть с огнем и шутить такие шутки...

А наследник старьевщика продолжал свою удивительную повесть. По его словам выходило, что див этот был весьма охоч до дочерей и во времена оны погубил их несть числа. Да нашелся на уголь ушат воды: погорел демон на женском коварстве. Раз решил он овладеть некой женщиной, хоть и селянкой, но красивой и смышленной. Принял, как водится, человеческий облик, и не чьей-нибудь, а ее собственного мужа. Муж по ту пору возвращался домой из гостей, изрядно набравшись. Демон пристал к нему на перекрестке трех дорог и вился пред очи супруги. Та, видя такое затруднение, сразу смекнула, что к чему. "Один из вас, — говорит, — не мой муж, а кто настоящий, в толк не возьму". "Я!" — заявляет див нагло. "Я", — икает супружник, не совсем понимая, в чем, собственно, дело. "Это затруднение разрешить просто, — говорит хитроумная селянка. — Мой настоящий муж всегда умел пролезть где угодно, да вот хоть в этот сосуд с двумя горлышками: в одно, бывало, просунется, из другого выйдет". Ну, дивы, они, как всем известно, туповаты. Усатый демон тут же нырнул в сосуд, а женщина, не будь дура, запечатала его воском, а потом еще и смолой обмазала.

— Этого замазала, а своего отмазала, — заключил Ловкач Ши, — не возьму лишь в толк,

почему это умная женщина предпочла какого-то пьяницу, а не духа, который мог бы ее озолотить.

— Дурак ты, Ши, — снисходительно объяснил киммериец, — всем известно, что духи коварны и, суля золото, норовят погубить душу.

— Вот-вот, — охотно согласился пройдоха Шелам, — и этот меня надул, да запечатает его кто-нибудь в бочке с нечистотами...

Он тут же опасливо оглянулся и быстро дернул себя за мочку уха — жест, отгоняющий, согласно древнему поверью, нечистую силу.

— Тебя надуешь, — проворчал варвар. — Интересно узнать, как ему это удалось?

— А вот так, — горестно закивал крысиной мордочкой Ловкач, — сказал, что зарок ему — выполнить одно мое желание, с тем и свободен. Одно! Да у меня желаний, что камней на дне реки. Нет, говорит, выбирай единственное, да поживее, очень дочь человеческую хочется. Слез со своего облака, к окну подбежал, увидел какую-то красотку задрипанную и аж засветился весь, что огонь на болоте. Я себя по лбу хлоп да возопи: умишка бы мне, убогому, быстро бы желание выбрал! А он и рад: ага, говорит, желаешь ума, будет тебе ум. Надолго дать не могу, но на три дня — пожалуй. Хлопнул в ладоши и пробурчал что-то. А потом как сиганет в окно — стену обвалил и пристройку еще. Эх, пропал домишко — кто теперь купит!

Он замолчал и обиженно уставился на Конана. Конан хохотал, да так, что труха сыпалась с потолка и тоненько позванивала аквилонская кираса.

— Кром! — ревел варвар, сотрясаясь всем телом, — Бел и Иштар! Вот так история, вот уж пожелал, так пожелал! Как же ты, дурья твоя башка, проверишь теперь, дал он тебе ума или не дал?! Умру сейчас...

— Вот и я думаю — как? — печально молвил Ши Шелам. — Сижут тут, мысли какие-то в голову лезут... Про верблюдов, золу материю... Ну, положим, ткань, хоть и подпорченная, есть, но при чем здесь верблюды и, тем паче, зола? А, киммериец?

Конан почувствовал, что сейчас задохнется. Он еще спрашивает! Раньше спрашивать надо было...

— Печально мне стало, — продолжал Ловкач, которого не так уж часто надували, — потер я лампу, думаю, может кто еще там есть. Тут шум, грохот, явление небесное: ты прилетел.

Он вдруг поднялся, откинул руку и произнес нараспев:

Кто не рожден, а сам собой возник

И раньше света в этот мир проник?

Кто до того, как землю посетил,

Так ловко дива в сети захватил?

Ловкач изумленно замолчал и провел грязной ладошкой по лицу, словно желая удостовериться, что это его губы сложились, чтобы произнести чудные слова. Сроду он не знал ни одного стихотворения и понять не мог, откуда вылезли эти строки.

Конан в растерянности уставился на приятеля.

— Кром, — выдавил он наконец, — выходит, див кое-что тебе подсунул. Другой вопрос: что в сем проку?

— Можно читать на праздниках, — неуверенно предположил Ловкач. — Суфеи читают и в шапку денежку берут.

— За три дня много не начитаешь, — буркнул варвар, — да и рожа у тебя не суфейская.

С такой рожей только на одном помосте выступать можно: на весельном. А ну-ка, поройся у себя под черепушкой, может еще что сыщется.

Ловкач закатил глазки и подумал. Потом возвестил: "Укрывшись в океане, вместилище од, приступили они к уничтожению тройственной вселенной. Каждую ночь, разъяренные, пожирали они подвижников, обитавших в пустынях и славных святилищах. И явилось тут трехглавое, девятиглазое, трехликое, шестирукое сверкающее существо с волосами, горящими, как солнце..."

— Спятил ты, — с сожалением сказал киммериец. — Смотри не ляпни что-нибудь такое прилюдно; камнями побьют и из града погонят. Или запрут в скорбный дом и водой холодной поливать станут. Пока не очухаешься.

— А, пустое, — Ши Шелам беспечно махнул ладошкой и уселся по-турански на пол. — Пришло мне в голову, о достойный сын своего отца, что не худо бы заняться торговлей, делом почтенным и весьма прибыльным. Ибо занятие сие издавна служит к пользе и взаимному удовольствию как продающих, так и приобретающих, а также ко всеобщему процветанию государств и народов, их населяющих...

— Сдается мне, див привесил тебе лишний язык, — прервал его киммериец, — ты можешь сказать толком, что задумал?

— Толк толку рознь, о внимательный юноша, — значительно молвил Ловкач Ши, который еще недавно умел более-менее складно говорить лишь со скупщиками краденного да крашеными девками, — и не всякий усмотрит его там, где он есть. Я же, со свойственной мне пронизательностью, усматриваю толк в вещах на первый взгляд весьма обыденных...

— Сейчас ты получишь от меня обыденную вещь, крысеньш, — пообещал Конан. — Затрещину хорошую...

— Свое убежище покинула она, не видел зрелища горше и грустней... — со скорбной миной нараспев произнес Ши Шелам и тут же, заметив, что киммериец приподнялся, протестующе выставил вперед ладонь.

— Не гневайся, о нетерпеливый юноша, позволь изложить тебе несколько мыслей, могущих показаться весьма бесполезными...

Когда Ловкач кончил излагать, Конан понял, что див засунул под немытую шевелюру его приятеля гораздо больше, чем можно было надеяться. Более всего привлекало, что хитроумный план Ловкача, суливший бескровное изъятие немалых ценностей у некоего содержателя постоянного двора возле Северных Врат, предполагал недолгую отлучку из Шадизара, а это было сейчас кстати, если принять в расчет давешний бег по крышам. И хотя некоторые сомнения оставались, душа молодого варвара, склонного к всевозможным авантюрам, уже рвалась на простор...

* * *

Солнце ласково тронуло веки киммерийца, и он проснулся. Ши Шелам посапывал рядом, свернувшись калачиком и подложив под щеку немытые кулачки. Конан с наслаждением потянулся, напялил сапоги и аквилонскую кирасу, которую вчера, поелику возможно, начистил мелом, потом толкнул приятеля в бок. Ши зачмокал губами, махнул

ладошкой, словно комара отгонял Однако досмотреть утренние сны ему не удалось: варвар потряхнул его за шиворот, и Ловкачу пришлось вернуться из царства грез на землю.

Они ночевали возле древнего могильника под навесом скалы, вверив повозку с товаром попечению двух тощих каменных идолов с полустертыми временем и ветрами лицами. До селения Усмерас, куда лежал их путь, оставалось совсем немного, но к вечеру пошел густой дождь, с дырявого полога потекло за шиворот, и приятели решили переждать непогоду. Поужинали пресными лепешками, запив остатками кислого вина из ветхого бурдюка, и улеглись.

— Места, подобные сему, хороши тем, что отваживают воров мрачностью и зловещими сказаниями, — глубокомысленно произнес Ши напоследок. — Духам же, ежели таковые здесь водятся, наш товар ни к чему.

— Ладно, умник, — проворчал Конан, — спи давай. Повозку отсюда видно, пригляжу. Но он проспал всю ночь под затихающий шум дождя, так ни разу и не проснувшись. И то сказать: какой дурак попрется по непогоде могильнику красть штуки полуистлевшей материи? нежить Конан нутром чуял и был спокоен: не было здесь нежити.

И все же дурак нашелся. Когда утром они подошли к повозке, обнаружили, что весь их товар пропал. Не было и мула, тощего и слепого на один глаз, которого приятели выменяли в Шадизаре на чучело макаки у какого-то чудака.

— Ленивый вор, однако, — растерянно сказал Конан, — мог бы заодно и повозку слямзить.

— Не ленивый, а умный, — поправил Ши, — оси-то у нас скрипучие, вот он и смекнул, что может разбудить хозяев. Смышленный воришка.

Он не стал упрекать киммерийца: проспал и проспал, что теперь делать.

— Что делать будем, умник? — спросил Конан.

Ши поднял свои узкие глазки к солнечному небу и задумчиво поковырял в носу.

— Во всей округе только одно селение, Усмерас, — сказал он. — А значит, воры были оттуда. Отправимся туда и вернем нашу собственность.

— Ну что ж, — согласился киммериец, деловито поправляя кинжал на поясе, — это лучше чем твоя торговлишка. Признаться, мне уже наскучило быть купцом. Вот только объясни мне, источник мудрости, как ты собираешься искать свое барахло? Или мы станем ходить по домам и спрашивать: кто спер материю, кто этот негодный проходимец? А что если воры были не из Усмераса, и наш косоый мул путешествует сейчас куда-нибудь еще?

— Да на кой ляд серьезным людям такая пакость?! — искренне изумился Ши. — Материальчик-то весь моль поела... Нет, тигр моей души, то был кто-то из местных селян. Отправимся же в путь, а по дороге что-нибудь я придумаю. Видать, мой ум еще не отошел ото сна, надо погреть голову на солнышке, глядишь...

— Не напрягайся, — прервал его Конан, — вон топает суфей, а у суфеев, как всем известно, ума побольше, чем на три дня. Спроси у него совета.

Действительно, по каменистой дороге к могильнику приближался худой человек в полосатом халате, подпоясанном малиновым кушаком. На голове путника красовался оранжевый тюрбан с маленьким перышком, в одной руке суфей держал резной посох, другой прижимал к впалой груди объемистый деревянный футляр. За спиной у него висела тощая котомка.

— О горе, горе мне, он строен и высок, у мрачных скал стоит, сжимая свой клинок... — пробормотал вдруг Ловкач Ши, раскачиваясь, словно в трансе.

— Кто? — не понял киммериец.

— Ты, о барс северных снегов, — быстро проговорил Ши, оглядываясь по сторонам. — Пришло мне на ум, что не стоит нам обременять достойного мудреца расспросами... Пришло мне на ум, что стоит нам позаимствовать у него одежду, посох и свисток.

— Ограбить суфея?! — Конан был искренне изумлен. — Солнце слишком напекло твою голову! Я, конечно, не особо чту местные обычаи, но если в Шадизаре узнают, что мы напали на бродячего мудреца, нас не поймут даже самые отпетые негодяи Пустыньки.

— Я ведь не сказал «ограбить», сказал «позаимствовать». Предоставь все мне, недоверчивый юноша. Только стой сзади и гляди мрачно.

Они спустились от скалы к дороге и подождали, пока путник приблизится. Суфей глянул на них мельком, пробормотал слова традиционного приветствия и намеревался следовать дальше, но Ши Шелам выступил вперед и заговорил сладким голосом:

— Привет тебе, о достойнейший из достойных, привет тебе, светоч знания и родник справедливости, дозвожь осведомиться, о изумруд учености, куда держишь ты путь свой?

На костистом лице суфея мелькнуло удивление. Он остановился, оглядел замухрышку Ши от макушки до босых пяток, погладил длинную бороду и отвечивал:

— Во имя Митры милостивого держу я свой путь в селение Усмерас, откуда получил приглашение справить там суд согласно обычаям народа нашего. А вы, добрый люди, кто будете и по какой надобности остановили свою повозку в места, не пользующихся расположением светлых богов?

Он быстро глянул на мочащего варвара и тут же отвел взгляд.

— А будем мы шадизарскими ворами, — все так же елейно проворковал Ши Шелам, — служителями Бела будем мы, о достойнейший.

Суфей поудобнее перехватил свой тяжелый посох и снова зыркнул на киммерийца. Потом, сделав постное лицо, заговорил:

— Благость Митры простирается и над падшими, свет Его согревает души заблудшие подобно семенам, брошенным в мерзлую землю. Ежели вы хотите испросить через меня, недостойного слугу Его, отпущение...

— Отпущение нам, конечно, не помешает, — прямо-таки пропел Ши, — но испросить хотим мы, сырые, одежду твою, посох и свиток. Такая вот у нас надобность.

Лицо мудреца помертвело. С плюгавым нахалом он справился бы без особых усилий, но вот его спутник, человек явно дикий и, возможно, незнакомый с местными обычаями, представлялся гораздо большим затруднением.

— А ведомо ли тебе, гусеница, — гаркнул мудрец, стараясь придать голосу побольше устрашения, — что суфейский посох способен поражать нечестивцев, коими вы, как вижу, являетесь, Силой Небесной?!

— В ведомо ли тебе, о яхонт добромудрый, что существуют в мире воины столь закаленные, что не страшны им ни стрелы, ни копыя, ни магические молнии? — уверенно парировал Ловкач. — Погляди на броню этого достойного юноши: она пробита во многих местах, но на теле его не осталось ран, могущих повредить его драгоценному здоровью. Хочу еще заметить, что сей воитель ни слова не понимает по-нашему, а явился он оттуда, где каждый берет себе, что ему захочется. И потом, кто тебе сказал, что мы собираемся учинить разбой? Мы воры, а не грабители, и дело, кое совершить намерены, угодно богам...

— Как прикажешь тебя понимать? — несколько растерянно спросил мудрец.

— Видишь ли, — деловито принялся объяснять Ши Шелам, — я, хоть и вор, но грамоту

ведаю, так как собираюсь податься в ученики в какому-нибудь достойному суфее. Да вот хоть к тебе, если соизволишь. Прочел я в Заветах Митры, коим следуют все суфеи, равно как и мудрецы запада: "Что принадлежит одному, принадлежит всем", прочел и задумался. Выходит, все эти обилии, купцы и прочая жирная публика живет не по-божески. Не хотят они делиться с ближним и все тут. И заключи я в сердце своем, что стану служить верой-правдой тому мудрецу, кто соблюдает Заветы. И служить буду к славе его. И открылось мне по милости богов, как сотворить сие благое дело...

Суфеей уже смекнул, к чему тот клони. Еще он понял, что может с честью вывернуться из передраги. Замухрышка на удивление умен и красноречив, его не переговоришь. Не драться же, в самом деле, с этими разбойниками! Тем паче, что посох-то самый что ни на есть обычный, если не считать железного заостренного наконечника, но такое оружие против грозного варвара явно слабовато. А одежда — дело наживное...

— Одежда — дело наживное, — заливался тем временем Ловкач, — да не всякий с ней добровольно расстанется. Таковое деяние, соверши его кто, приведет души людей в восторг и умиление! Вот и мыслю я: ежели ты, о кувшин добродетели, поделишься с сырыми платьем своим, а сырые, придя, скажем, в Усмерас, станут рассказывать людям об этом духовном подвиге, не послужит ли сие к славе твоей? Не станут ли в другой раз люди охотно приглашать тебя на суд и праздники и щедро одаривать столь достойного во всех отношениях суфея?

Тут Конан, чтобы подавить душивший его смех, прокашлялся и смачно сплюнул себе под ноги.

Суфеей сделал вид, что обдумывает слова Ловкача, хотя для себя уже все решил.

— В твоих речах усматриваю я жемчужное зерно, — молвил он степенно, прикидывая, где будет ловчее снять платье без особого ущерба для собственного благочестия. — Объясни мне лишь, на кой ляд сдался тебе мой свиток?

— А как же! — воскликнул Ловкач. — Сказано в Заветах: "Жизнь человеческая коротка есть..." Вот и не стану я терять драгоценное время, а стану я денно и ночью припадать к источнику мудрости.

Старец пожевал тонкими губами, потом изрек:

— Хоть ты и невзрачен с виду, но смышлен и достоин обучаться у суфея. Я отдам тебе свою одежду, посох и свиток, а когда ты разгласишь о моем деянии в Усмерасе, можешь вернуться, и я возьму тебя в ученики. Буду ждать тебя под этой скалой три дня и три ночи.

И он величественно направился в сторону могильника, лелея слабую надежду, что этот чудак с большой дороги и вправду чего доброго решил просветиться и, чем Бел не шутит, захочет возратить присвоенное.

Ловкач устремился вслед за суфеем, выражая невнятными криками свой восторг и благодарение Митре за то, что встретил наконец достойного исполнителя Заветов Его, и вскоре скрылся вместе со своим будущим учителем за скалой.

Когда он появился, Конану снова пришлось кашлять и плевать. Оранжевый тюрбан сидел на маленькой головке Ловкача, как горшок на огородном пугале, полы халата мели землю, а посох вздымался над головой на добрых два локтя. Деревянный футляр с мудреным свитком Ши водрузил на плечо, а под мышкой его алели туфли с загнутыми носами, слишком большие, чтобы украшать собой грязные ноги шадизарского воришки.

Приблизившись, Ловкач передал это богатство варвару и в изнеможении утер со лба пот.

— Видит Бел, — сказал киммериец, даже не пытаясь скрыть свое восхищение, —

подарок дива чего-то да стоит! Грабанули суфея, но никто не скажет, что мы нарушили обычай не трогать этих словоблудных! Да старикашка и рад, поди, еще и прославиться. Будет сидеть здесь до изнеможения и ворон считать...

— Не говори там, друг мой, — печально молвил Ши Шелам, — всякая старость достойна уважения. Склоняюсь я, когда дело будет окончено, вернуть почтенному Куббесу его добро и навсегда удалиться с ним в пустыню, чтобы постигнуть Истину.

Варвар чуть не поперхнулся. Он уставился на Ловкача так словно увидел рыбу, разгуливающую посуху.

— Ладно, — проворчал он наконец, — послушаем, что ты запоешь через пару дней, когда из твоей башки выветрится вся та чушь. Сейчас-то что делать будем?

— Сейчас я нуждаюсь в твоей силе, о скала мышц. Следует погрузить на повозку каменных истуканов, стерегущих могильник, и отвезти их в Усмерас.

Воцарилась тишина, только где-то высоко в небе всюю заливался жаворонок.

— Погрузить, значит, — зловеще проговорил Конан, сверля приятеля взглядом своих синих глаз, — погрузить и оттащить... Слыхивал я, что в скорбном доме некоторых умников не только водой ледяной окатывают, но и по-другому учат!

И он демонстративно глянул на свои мощные кулаки.

Однако это не произвело на Ловкача должного впечатления: он все еще пребывал в мечтательной задумчивости.

— Именно так, юноша, — сказал он, почесываясь под суфейским халатом, — иначе мы не сможем вернуть наше добро, выгодно обменять его, вернуться в Шадизар и заработать по мешку золота. Вот послушай...

Конан послушал.

Не успел бы кто поплоше и кубка осушить, а "скала мышц" уже всюю ворочал каменных истуканов и грузил их на повозку. Идолы были не слишком велики, и весу в каждом было не больше, чем в двух мешках муки. Потом ухватившись за постромки телеги, но без особых усилий покатил ее в сторону Усмераса. Ловкач, сославшись на недомогание, вызванное чрезмерными усилиями, улегся в повозке, но этот груз и вовсе можно было не брать в расчет.

Последнее, что разглядел киммериец, впрягаясь вместо исчезнувшего мула, была худая фигура суфея, торчащая, словно жердь, возле белой скалы. Из-под засаленных обносков, которые еще недавно красовались на Ловкаче, торчали кривые волосатые ноги. Мудрец простирал вперед старческие длани, не то благословляя, не то проклиная своих грабителей.

* * *

Ши Шелам заглянул в лежащий на коленях свиток и изрек:

— Хамнаар хамы чуве Кара дуне хамнаар чуве!

Под крышей сельского дома тридцать человек затаили дыхание, внимая мудрым словам.

Ловкач поскреб грязным ногтем по пергаменту и объявил:

— В переводе с магического это значит вот что.

О, горе, горе мне:

Проворен, как марал,

*Тот недостойный вор,
Что мой товар украл!*

— Кто, спрашиваю я вас, тот недостойный вор, что украл ткань у этого доброго человека?!

Взмахнув рукавом суфейского халата, Ловкач величественным жестом указал на стоявшего возле помоста со скрещенными на груди руками Конана.

Поднялся благообразный старейшина селения Усмерас, и, почтительно поклонившись, отвечивал:

— Мы не ведаем, о мудрый, кто обидел этого достойного юношу. Среди нас нет воров, мы люди тихие, закон и обычаи почитаем. Видать, пришлыми были тати ночные, не иначе горцы со скал Карпашских.

— Старший ты тут? — вкрадчиво спросил Ши.

Старик солидно кивнул.

— А коли голова седая, так нечего чушь пороть! Станут горцы бегать по равнинам да тряпки воровать, делать им больше нечего! Ваши прохвосты слямзили, провалиться мне к Нергалу!

Тут Ловкач понял, что несколько вышел из роли, и заговорил более велеречиво:

— Ответствуй, молодой купец, достойный всяческих похвал за усердие в деле своем, имеешь ли ты свидетелей, кои могут разъяснить нам это темное дело?

— Имею, — сказал киммериец и сплюнул. — В повозке дожидаются.

Пока все шло как по маслу. В виду селения они с Ловкачом расстались, и варвар в одиночестве вкатил тележку на единственную улицу Усмераса. Над селением витал запах гари, среди домов темнело обширное пепелище: недавно здесь бушевал славный пожар. Зрелище не было неожиданным, слух о несчастье усмеранцев давно дошел до Шадизара, а сметливость, обретенная Ловкачом благодаря подарку дива, подсказал Шеламу, как использовать сие обстоятельство в целях корысти.

Конан дотащил повозку к дому старейшины, которому и заявил, что этой ночью у него украли товар, предназначенный на продажу, и он как честный и порядочный, хотя и начинающий негодичант жаждет суда и справедливости.

Суд и справедливость явились вскоре в образе щуплого суфея, назвавшегося сподвижником мудрейшего Куббеса, каковой Куббес, захворав, отправил вместо себя в Усмерас достойнейшего из учеников своих. Халат, тюрбан, посох и свиток произвели должное впечатление, молодой суфей с притирающимися почестями был препровожден в дом старейшины, накормлен от пуза пресными лепешками и козьим сыром, а затем усажен на деревянный помост, покрытый облезлыми коврами, откуда селянам было объявлено, что их мелкие надобности отказываются на потом, а дело молодого купца будет рассмотрено незамедлительно.

— Ибо торговля есть основа всякого государства, и покушавшийся на торговца покушается на устои, — заявил Ши, вызвав священный трепет в сердцах селян, знакомых с устоями через свирепых сборщиков податей и лошадей знати, вытаптывающих их чахлые урожаи во время многочисленных охот.

Ловкач распорядился собрать на суд ровно тридцать человек, не считая самого старейшины. Сейчас, услышав об имеющихся у купца свидетелях, все тридцать напряженно затахли.

— Какого они роду-племени? — спросил Ши.

— Роду они каменного, — отвечал Конан, как было условлено, — а племени идольского. Ночевал я возле могильника, так что никто, кроме обветренных болванов, не видел вора.

Испуганный вздох понесся к скатам соломенной крыши.

— Привести! — распорядился Шелам. — То есть, я хочу сказать: принести!

Четверо селян были отряжены за идолами и вскоре вернулись, сгибаясь под их тяжестью. Истуканов уложили на помост, Ловкач, многозначительно выпятив нижнюю губу, склонился, их осматривая.

— Так, — изрек он, поковыряв ногтем каменный глаз, — допросим свидетелей. Говори, страж могильника, кто украл ткань?!

Сидевшие возле помоста полезли было назад, подальше от страшного. Кто знает этих суфеев, может они и вправду умеют оживлять истуканов? Однако, как и следовало ожидать, идол безмолвствовал.

— Не хочешь? — грозно насупился Ловкач. — Сейчас захочешь!

Он сунул свой острый носик в суфейский свиток и как бы прочел из него:

— Азаларым, четкерлерым! арай-ла бээр, шала-ла бээр, ашган-чемден чип-ле алгар Алынарже ченыптынар!

Помолчав немного и недоуменно глянув на по-прежнему немой камень, Ши незаметно почесался и добавил:

— Нет, не «ченыптынар», а "ченаптыныр!" Говори! Говори!

С этими словами он схватил суфейский посох и принялся колотить истукана так, что искры полетели. Он сказал и приплясывал вокруг идолов, выкрикивая какую-то несуразицу, лупил их по каменным бокам, призывал богов и духов, высоко подкидывая при сем полы халата, открывающие его тощие худые ноги, покрытые грязной коростой, приседал, горестно охал, лез носом в манускрипт, бормотал заклинания и лупил, лупил... Зрелище было столь забавным, что среди селян раздались смехи, а потом покатился уже общий хохот.

Ловкач застыл с поднятым посохом и грозно глянул на собравшихся. Смех затих, словно все дружно воды в рот набрали.

— Как! — горестно воскликнул Ши. — Неуважение к суду? Да вы достойны самого сурового наказания! Тридцать ударов каждому вот этой палкой!

Старейшина в испуге простер руки к помосту и попытался замолвить словечко за неразумных сельчан:

— Помилуй, о учение мудрейшего Куббеса...

— Тридцать пять ударов! — безжалостно сказал Ши.

— Но мы не...

— Сорок!

Стало так тихо, что слышно было, как вяло ползает по чьей-то лысине одуревшая от духоты муха.

— Ладно, — смиловился наконец Ловкач, снова усаживаясь на ковер. — Учитывая темность вашу и необученность достойным манерам, повелеваю в качестве уплаты за смех принести сюда к вечеру тридцать шпук аренджунской парчи или иного достойного материала — по числу присутствующих. Это послужит вам хорошим уроком.

— Помилуй, — робко встрял старейшина, — да где же мы возьмем столько материи?! Лавка у нас одна, но в ней давно пусто, торговцы у нас редко бывают...

— И тех не станет, если я расскажу, как вы тут купцов привечаете, — проворчал Ши

Шелам. — Хватит болтать, подчиняйтесь решению суда! Тот, кто вернется с пустыми руками, получит сполна свои удары, а также суфейское проклятие силой этого магического жезла!

И он грозно потряс посохом.

Стеная и охая, селяне потянулись к выходу. Старейшине Ловкач велел призвать местных тяжущихся. Пока старик отсутствовал, они с Конаном обсудили положение дел. Все шло, как задумано: если расчет Ловкача окажется верен, то вскоре побитые молью штуки из дома старьевщика снова окажутся в их руках. И тогда можно будет обменять их на то, за чем они прибыли в Усмерас.

— Не пойму только, почему просто не взять, что нам нужно, — сказал киммериец. — Как-то упустил, зачем вообще надо было везти сюда материю. Разве местные олухи так уж держатся за эту дрянь? — Дрянь не дрянь, — отвечал Ши, — а трогать ее, согласно обычаю, нельзя. К несчастью будто бы. Но, мыслю, здешние жители не устоят перед нашим предложением: как ни как прибыток, а о ведь ветер вскоре сдует...

Подобострастно кланяясь, вошел старейшина. За ним в дом ввалилась галдящая орава женщин, закутанных в цветастые ветхие платки, с чумазыми лицами и дешевыми монистами на шеях. Они толкались, стараясь перекричать друг друга и протиснуться поближе к помосту.

— Что такое? — испуганно вскричал Ши, который всегда побаивался "дщерей человеческих". — Зачем их сюда?!

— Так они вот, того... тяжущиеся... — пролепетал старейшина, боясь, что снова навлечет на свою голову гнев мудрого суфея.

Одна из женщин, довольно, должно быть, симпатичная, если ее хорошенько отмыть, упала перед Ши на колени и поцеловала полу его халата. Ши, сидевший на ковре по-турански, уперся в пол руками и отъехал на своей тощей заднице подальше, словно опасаясь, что она его укусит.

— О справедливый судя, — завела селянка на удивление низким голосом, — снизойди до нужд наших во имя милостивой Иштар...

— Нет-нет, — махнул Шелам на нее ладошкой, — во имя Иштар не могу. Это вне моей компетенции. Мог во имя Бела...

— Бела так Бела, — тут же согласилась истица, — он тоже, сказывают, мудр да пригож. Рассуди, о почтенный суфей, нашу тяжбу к старейшинам нашим...

— Ого! — не удержался "почтенный суфей". — Высоко метишь, женщина!

— Да как же мне не метить, если старцы наши совсем из ума выжили, — сварливо зачастила селянка, усаживаясь поудобнее на пятки. — Что творят, окаянные! Дока Хабишева, значит, на овине огонь запалила, а Нелжид этот напился раки и поле, значит, хвост шакалий, а она-то думала, что то не Нелжид вовсе, а Бабиль ейный, и ну ему в лицо лучиной тыкать...

— Постой-постой, — взмолился сразу одуревший от этого словоизвержения Ловкач. — Какой Бабиль? Какой хвост шакалий? И при чем здесь старейшины?!

— Да я ж говорю, — истица поправила платок, собираясь с мыслями, — думала дочка Хабишева, что Бабиль это, слышит, грузный кто-то карабкается, Бабиль-то тощий, что твой палец, а Нелжид, значит, толстый был, она глянуть-то решила, запалила лучину, а как рожу-то его увидела пьяную, спужалась да и обронила огонь. Огонь обронила, овин и займись. Овин займись, да и сгорел совсем, и Нелжид сгорел, а дочка Хабишева, значит, выскочила. Выскочить-то выскочила, да смотрит: и дом уже занялся. Она в крик, люди выбежали и за водой к колодцу. А нет там воды! Пять домов так и сгорело. Сколько говорили старейшинам, что новый колодец рыть надо, из старого-то вода уходит, а они только плечи свои чешут да

ворчат — долбежу, дескать, много, камни тут у нас, а не земля, работников с кирками нанимать надо. Самим-то нам кирок разве не купить? Так нет, жадность все ихняя, копят все на подати да подарки суфеем, а что ни попить током, ни помыться, ни огненного петуха залить, так это им до места до одного...

— Ша! — рявкнул Ловкач таким голосом, что Конан одобрительно хмыкнул. — Уймись, женщина, или я велю бить тебя по пяткам пока не посинеют! То, что ваши старейшины копят на подати, это мудро, а то, глядишь, понаедут сборщики да не такого петуха вам пустят. И подарки суфеем на празднике или суде — дело святое. Но и ты в чем-то права: негоже оставлять селение без воды. Что предлагаешь-то?

— А предлагаю я, о горшок знаний, назначить на его вот место, — она кивнула на помалкивающего старика, — нас, женщин...

— Всех сразу, что ли? — не понял Ши.

— Зачем всех, — скромно потупилась истица, — возьми хоть меня — чем не умна да пригожа?

Но тут поднялся такой гвалт, что Ловкачу снова пришлось надрывать горло, водворяя порядок.

Когда порядок водворился, судья поводит носом по свитку объявил, что делу сему помочь можно, дело в общем-то левое, если женщины считают себя умнее мужчин, то можно и им попереходить.

— А для того, — возгласил Шелам, — выполните вы, домогающиеся многого, одно мое нетрудное зданье. Ежели увижу, что справились, то именем Бела назначу самую смышленную в начальники. Устраивает?

Селянки хором подтвердили, что сие решение справедливо.

Ши пошептался со стариком, тот ушел и вскоре вернулся, нес в руках плетеную корзинку, закрытую крышкой. В корзинке что-то шуршало и ерзало. Шелам поводит над ней руками, пошептал, затем торжественно вручил истице и объявил поручение: трижды обнести корзину вокруг Усмераса.

— Крышку не открывать, — грозно добавил он, — зверь там сидит чудной, а видеть его не обязательно!

Женщины гуськом потянулись к выходу, торжествуя поглядывая на старейшину, тот же, когда помещение опустело, кинулся целовать руку Ловкачу.

— Благодетель, — лепетал старик, припадая, — отблагодарю, как есть отблагодарю!

— Мне ничего не надо, — отмахнулся Ши, — а вот ему мула дашь, ему еще обратно в Шадизар ехать.

— Можно одноглазого, — хмыкнул Конан, — я не обижусь.

Его донимало любопытство, и он потребовал у приятеля объяснений. Что за зверь? Отчего крышку не открывать?

— Да петух там, — устало отвечал Шелам, — обычный, не огненный. Одно меня тревожит: как бы эти девушки от своего любопытства не окривели...

Его опасения оказались не напрасны. Когда женщины вернулись говорливости у них явно поубавилось, а та, что рассказывала про пожар, прижимала к щеке край своего платка. Все они опустили а колени, молча ожидая приговора.

— Где корзина? — грозно спросил Ши.

— Не гневайся, о справедливый, — робко молвила чумазая истица, не поднимая головы, — не удержались мы, одним всего глазком глянуть хотели, а оно как выскочит, как

кдюнет...

— Ах, не удержались! — завопил Шелам, вскакивая и замахаясь посохом. — Вон, безмозглые! На грядки, к скотине, детей нянчить! Вон!

Визжа и сбивая с ног друг руга, женщины бросились к выходу. Когда они исчезли, старейшина сказал в полном восхищении:

— Воистину, ты самый наимудрейший из всех суфеев, кои за многие год побывали в Усмерасе!

— Согласен, — почесываясь отвечал Ши, — так что с тебя два мула. А в следующий раз, когда бабы захотят поверховодить, всыпь им хорошенько и не утруждай нас, обременительных более важными делами, своими ничтожными заботами.

К вечеру у ног "наимудрейшего из суфеев" выросла гора материи — тридцать плотно намотанных на деревянные валики штук, по числу украденных. Никто из опрометчиво смеявшихся пред лицом суда не осмелился вернуться пустым. Всем ведомо, чем чревато проклятие суфейского посоха: недородами, кожными болезнями, мужским бессилием и ослиными ушами чревато оно...

Только в одном Ловкач ошибся: ткань была отличная, аренджунской выделки, совсем новая, купленная селянами втридорога у местного лавочника, который уж и не надеялся сбыть когда-нибудь это великолепие, сдуру завезенное им к не столь уж бедным, но крайне прижимистым усмеранцам.

Так что судьба побитой молью материи старьевщика, равно как и кривого мула, навсегда остались неведомой.

* * *

День уже клонился к вечеру, когда запряженная двумя крепкими мулами повозка подъехала к воротам Шадизара. Трое стражников скучали на своем посту: в этот час желающих войти в город было не слишком много. Завидев повозку, начальник караула, красноносый малый с круглым лицом, бряцая оружием, выступил вперед и поднял руку.

— Стой, кто бы ты ни был, и отвечай без утайки: кто таков, откуда путь держишь и за какой надобностью прибыл в славный Шадизар?

Возница был мал ростом, худосочен, но одет богато: желтые шаровары, туфли, украшенные золотой вышивкой, шелковый голубой халат, из-под которого виднелась льняная нижняя одежда. На шее его висел серебряный медальон и виде полумесяца с агатовыми камешками.

— Зовусь я Себбук-ака, путь держу из предгорий гор Карпашских, а надобность моя торговля: желаю продать на рынке товар с прибытком для себя и пользой для покупателей, — отвечал он на вопрос стражника тоненьким голосом.

Круглолицый заглянул в повозку. Она была нагружена почти доверху, а поклажа тщательно укрыта рогожами.

— Если ты привез зерно, — сказал стражник, — то знай, что урожай в этом году неплох, продавцов много, и, дабы цены не упали, мы берем с купцов повышенную пошину. Тебе придется уплатить три золотых за въезд.

— Я дам тебе пять золотых, о лев среди привратников, ибо надеюсь завтра обогатится и сменить это убогое платье на наряд из парчи и золота!

Купец как бы с сожалением пощупал ткань своего халата, который стоил никак не меньше его мулов, потом гордо избоченился и надул щеки.

Заслышав его слова, к круглолицему подошли остальные стражники.

— О чем болтает этот коротышка, Басрам? — спросил один из них, хищно поводя носом.

— Говорит, что привез нечто весьма ценное, — откликнулся тот, кого назвали Басрамом, и взялся за колесо повозки. — Что там у тебя, купец, самоцветы? Диво заморское? А ну, покажь!

Он хотел было приподнять рогожу, но возница резво схватил его за руку и умоляюще зашептал:

— Я дам тебе десять золотых, уважаемый, десять звонких монет! И еще угощу в лучшем духане. Товар мой боится людского глаза, и не следует, чтобы о нем болтали лишнее...

И купец кивнул на столпившихся возле повозки голоногих мальчишек и любопытных нищих.

Глаза Басрама жадно блеснули: он учуял поживу.

— Ах вот как! — воскликнул он. — Ты хочешь провезти в город невесть что всего за каких-то десять монет?!

— Я сказал двадцать, о честнейший из стражников, двадцать золотых!

— Хамза, Хабиш, — обратился круглолицый к своим товарищам, — может мы нарушим долг и позволить ввезти в Шадизар поклажу, не осматривая ее, как положено?

Хамза и Хабиш сделали честные лица и заявили, что долг они нарушить не могут, и что их уши стоят гораздо дороже.

— Скажем, по десять золотых за каждое, — заключил Басрам. — И выпивка для всех, когда сменимся.

Горестно охая, купец полез в кошель на поясе и отсчитал шестьдесят монет. Он уже тронул повозку, когда круглолицему, все еще снедаемому жадным любопытством, пришла в голову новая мысль.

— Постой! — крикнул он, придерживая мулов. — Я все же должен удостовериться, что ты не везешь ничего такого, что может подвергнуть опасности город. Скажем, оружие или злых издиров в кувшинах...

— Нет у меня никаких кувшинов, — в отчаянии воскликнул назвавшийся Себбук-акой, — я ведь уже заплатил тебе деньги!

— Заплатил-то заплатил, только если ты прячешь в повозке что-то недозволенное, мы рискуем не только ушами, но и тем местом, на котором они растут. Я обещал не смотреть на твою поклажу и не собираюсь тебя обманывать, я только...

С этими словами он запустил руку под рогожу, тут же извлек ее и умолк, недоуменно уставившись на свои пальцы, покрытые какой-то серой пылью.

— Что за дрянь, — недоуменно пробормотал стражник, обнюхивая свою кисть, — похоже на золу...

Купец застонал, спрыгнул с повозки и встал спиной к мальчишкам и нищим, стараясь закрыть от них то, что невзначай извлек из-под рогожи круглолицый.

— Умоляю, не раскрывай мою тайну, о добросовестнейший из привратников, — жарко зашептал он на ухо Басраму, снова развязывая пояс, — зола это и есть, везу я ее на продажу...

Не погуби несчастного, я не хочу, чтобы о моем приезде узнали конкуренты!

Себбук вложил в потную ладонь круглолицего еще пять монет. Басрам переводил недоуменный взгляд с золота на купца и обратно, усиленно соображая, что бы все это могло значить и не следует ли немедленно задержать странного торговца на месте с его подозрительным товаром. Шестьдесят пять монет за обыкновенную золу! воистину, либо этот замухрышка в богатом халате умом тронулся, либо...

Что «либо», Басрам придумать не смог и, велев купцу ждать, ушел совещаться. Хамза и Хабиш тоже встали в тупик пред столь необычными обстоятельствами. Чего только ни провозили в Шадизар на их памяти: шелка и яства, посуду и красное дерево, кхитайский фарфор и аквилонские вина, шемские украшения и туранских красавиц, а раз из Вендии пришел караван слонов, доверху нагруженных плодами дерева у-у, делающими мужчин неутомимыми в любовных утехах. Правда, потом оказалось, что плоды с гнильцой и вызывают мучительную изжогу, да вендийцу были уже далеко... Но товара, подобного тому, что привез Себбук-ака, стражники еще не видывали и никогда не слыхали, чтобы кто-нибудь готов был выложить за обычную золу хотя бы медную полушку.

Хамза предложил немедленно отрядить скорохода к светлейшему Эдарту — пусть начальник стражи и разбирается. Басрам склонялся запросить с купца еще десятка два золотых, но Хабиш, бывший поумнее своих товарищей, предложил пропустить подозрительное лицо в город и установить за ним слежку, тем более, что Себбук обещал им выпивку.

— Посмотрим, что он станет делать, — рассудительно заключил Хабиш. — Доложим Эдарту, так нас на смех поднять могут, а то и наказать за то, что лишнее с торговца взяли. Молчать-то этот дурень не станет... Ежели он готов заплатить за въезд такие деньги, видать, не беден, так что, если все по-умному сделаем, можно еще поживиться. Ты, Басрам, направь его на постоялый двор к Флатуну, а когда сменимся, отправимся туда и на месте решим, что к чему.

На том и порешили. Купца впустили, наказав дожидаться с обещанным в корчме Флатуна, что была неподалеку от врат и где останавливались гости побогаче. Купец слезно поблагодарил, пообещал не скупиться и напоить своих благодетелей вином никак не менее десятилетней выдержки, с сим и откланялся.

Уже смеркалось, когда его повозка въехала на постоялый двор.

* * *

Конан вошел в Шадизар через другие ворота, не торгуясь уплатив разомлевши м на жаре стражникам пару золотых, хотя при нем не было никакого товара. Молодой человек был одет щеголевато: полосатые штаны с завязками под коленями, сафьяновые туфли, расшитая зелеными узорами безрукавка и круглая красная шапочка из аренджунского бархата, лихо сидевшая на гриве его иссиня-черных волос. Наряд довершала кривая туранская сабля в отличных ножнах и кинжал на атласном кушаке.

От самых ворот за ним увязался мальчишка.

— Эй, полосатые штаны, кинь монету, — гнусавил он, загребая босыми ногами пыль

улицы, — не будь жмотом, кинь!

— Я дам тебе пять монет, — сказал Конан, останавливаясь.

Он что-то пошептал на ухо оборванцу, и тот захихикал.

— Да за пять монет я натащу тебе их со всего города, — сказал он, потирая ручки, на которых не хватало по меньшей мере трех пальцев. — Только не понимаю я...

— Тебе и не нужно ничего понимать, — отрезал варвар, подавая ему горсть медков. — Бери тех, что помельче, и не меньше десятка. Узнаешь, где я остановился, и принесешь туда в час второй свечи.

Отпустив мальчишку, киммериец направился напрямик в таверну Абулетеса, где и провел время до сумерек к собственному удовольствию и немалому прибытку хозяина: пил-ел лучше и на оплату не скупился. Абулетес сам прислуживал дорогому гостю, потев жирным лицом, на котором гуляла всегдашняя кривая улыбочка.

— Вижу я, дела твои идут неплохо, — говорил он, подавая очередной запотевший кувшин и усаживаясь рядом. — Воистину, нет в Шадизаре засовов, способных уберечь закрома своих хозяев, когда снежный барс выходит на ночную охоту. Сдается мне, плачет кто-то сегодня над пустыми сундуками, да слуг своих колотит...

— У тебя одно на уме, — солидно отвечал молодой варвар, всю орудья челюстями, — плохо о людях думаешь. Митра меня просветил, я теперь торгую.

Он выплюнул на пол обглоданную баранью косточку, глянул на обомлевшего Абулетеса и запил жаркое вином.

— Торговля — дело выгодное, — осторожно сказал духанщик, — чем только нынче не торгуют... Мальчишка от Северных Врат прибежал, рассказывает, какой-то дурак привез в Шадизар воз золы на продажу. Лето нынче особо знойное, перегреваются люди.

— Вольному воля, — лениво сказал киммериец и сыто рыгнул, — хочешь — золой торгуй, хочешь — ослиным пометом... Стражники, сказывают, любят им закусывать. А где остановился этот недотепа?

Масляные глазки Абулетеса хитровато блеснули.

— Хочешь с ним познакомиться? Богатый, сказывают, купчина, много золота за въезд заплатил. Еще и напоить обещал привратников за свой счет. К Флатуну они его направили, там и пьянствовать будут.

— Да, — задумчиво протянул Конан, — небедный торговец, у Флатуна бедные не стоят. Чего ему с голью якшаться, когда сам богат, что твой мехараджуб вендийский? Верблюдов у него много, добра навалом...

— И собак, — хихикнул Абулетес и тут же поспешно удалился — не то позвал кто, не то понял, что сболтнул лишнее.

Киммериец не обратил на его слова особого внимания: многим было ведомо, что духанщик повсюду имеет глаза и уши. Конана он продавать не станет, не посмеет связываться с грозой Пустыньки. Даже бывшим. То, что он не вернется в воровской квартал, варвар был почти уверен. План Ловкача действовал даже лучше, чем можно было ожидать. Взять хотя бы проделку с каменными идолами: она помогла не только получить у жителей Усмераса желаемое, но и выгодно продать оставшуюся новехонькую материю встречному купцу — хватило и на одежду, и на добрую саблю, и в кошельке еще осталось. Так что варвар не стал упрекать приятеля, когда тот вернул мудрейшему Куббесу его халат, тюрбан, посох и туфли. Старикашка чуть не помер от изумления! Благословил замухрышку Ши и объявил его своим учеником. Даже свиток ему оставил, сказав, что отправляется в Арэнджун, где у него этих

свитков навалом, и будет ждать там Шелам. "Воистину, сын мой, под рубищем твоим скрывается душа чистая и благородная..." Умора!

Когда за окнами совсем стемнело, Конан направился на постоянный двор Флатуна, прихватив несколько безденежных собутыльников, которые, воспользовавшись хорошим настроением варвара, не прочь были угоститься за его счет.

Постоянный двор и духан при нем назывались "Верблюжий горб". Очевидно, хозяин хотел подчеркнуть свое основное богатства, меланхолично жевавшее губастыми ртами в карале за домом. Стояли там выучные желто-пегие силачи, беговые красавцы с длинными сухими ногами, одnogорбые дромадеры и даже волоокая белая верблюдица, которая одна стоила больше, чем весь постоянный двор и флатуновы сундуки с золотом, до которых Конан почти было добрался, да мастафы помешали. Откуда брались верблюды — одному Митре известно. Флатун утверждал, что покупает их в Хаурани, но многие подозревали за ним нечистое: приводили животных по-одному, по-двое какие-то подозрительные личности увешанные оружием, да и клейма им явно сводили, прежде ем новый хозяин свое ставил. Как бы то ни было, пользуясь купленной щедрыми подарками дружбой со светлейшим Эдартом, Флатун продавал верблюдов с выгодой для себя, а белую красавицу, по слухам, собирался даже отправить в Вендию.

Киммериец толкнул скрипучую дверь, и вся компания гурьбой ввалилась в духан. Здесь было шумно и душно, вдоль стен стояли низкие топчаны, на которых возлежали гости, булькая посапывая кальянами. Возле иных на коленях стояли невольниц, обмахивая своих хозяев опахалами из птичьих перьев или пальмовых листьев. Те, кто еще не удалился на покой, сидели за низкими столами, вкушали фрукты и сладости, запивая винами из серебряных и медных сосудов. Блестели драгоценные камни в перстне, во множестве унизывающих жирные пальцы, слышался разноязыкий говор, рыканье, утробное урчание в толстых животах и иные звуки, сопровождающие обычно трапезу людей, привыкших набивать свои чрева до самого горла. "Чтобы последний кусок изо рта торчал", как любил выражаться Ши Шелам.

Сам Ловкач, кажется, уже достиг этого вожделенного состояния. Животик его под дорогим халатом округлился, глазки масляно блестели, а вся острая мордочка была измазана розовой мякотью какого-то плода. Развалясь на мягком диване, Ши ковырял в зубах костяной палочкой, прихлебывая вино из тонкостенного кубка и небрежно метал на стол кости. Рядом восседали вдрызг пьяные стражники и еще несколько человек, наблюдавших за игрой.

— И опять себе, — заплетающимся языком объявил круглолицый игрок и сгреб кучку монет. — То есть, говорю, снова меня... вала Белу.

— Ты жадный и противный, — капризно сказал его сотоварищ.

— А ты Хабиш, в голове твоей кишмиш, — объявил круглолицый и захохотал.

Хабиш замахнулся на него чашей, но тут же уронил ее и сразу же задремал.

— Почтенные, почтенные, — примирительно пискнул Ши, — не будем ссориться! Ибо сказано в «Заветах»: "Люби ближнего своего, пока он тебя любит..." Если я не путаю. Ты, Басрам, и вы, Хамза и Хабиш, любите дуг друга, и да наполнятся сердца ваши миром и благолепием...

— Пусть наполнятся, — согласился Басрам, — а сначала пусть наполнятся наши кубки, у меня во рту словно Нергал нагадил.

— Не поминай этого имени, о чресла приватной сажу, — откликнулся Ловкач. — То есть, я хочу сказать... мнэ-э-э... честность привратной саржи. Нет, стражи... Ибо речено:

"Явится из бездны зверь стоглазый, девятиголовый, шестирукий..." Дальше не помню, но поминать его поему-то не надо.

— Не буду, — согласился круглолицы, — давай выпьем за светлейшего Эдарта!

— За всех светлейших Эдартов, а также Руперов, — поддержал Ши. — Знавал я одного Руперта из Немедии, ох и шельмец был, подметки на ходу резал...

Поняв, что его приятель окончательно захмелел и может испортить все дело, киммериец решительно направился к его столу, локтем отодвинул безучастного Хабиша и уселся рядом с Ловкачом. Безденежные приятели уместились среди зрителей и принялись жадно поедать остатки пиршества.

Ши уронил правое веко, а левым мутным глазом уставился на варвара.

— А, Ко... — начал было он, однако, получив под ребро, охнул и заткнулся.

— Хочу сыграть с тобой, купец, — сказал Конан. — Ставлю сто золотых.

— А у него нету, — встрял Басрам, — он все продул.

— Желая играть! — Варвар треснул по столу кулаком. — Пусть товар ставит. Или товара тоже нет?

— Товар есть, — сказал Ловкач и уронил левое веко.

— Ты ведь не хочешь, чтобы его украли?! — гаркнул Конан.

Ши распахнул глазки и завращал зрачками.

— Украли, — захихикал, — украли! Да кому нужно это го...

Он снова охнул и принялся хватать ртом воздух.

— Купец говорит, что желает надежно спрятать свой ценный груз на ночь, — объявил Конан.

— Разве он что-нибудь говорит? — удивился Басрам.

— Ничего не кишмиш, — пробормотал Хабиш, просыпаясь.

— Кишмиш спрятать? — спросил туговатый на ухо Хамза.

— Я тебе сейчас спрячу! — вызверился вдруг Басрам. — Ты зачем мой золотой в туфлю сунул?!

Они сцепились и принялись кататься по ковру, награждая друг друга тумаклами. На шум прибежал сам хозяин в сопровождении слуг, вооруженных дубинками. Ухватив пьяных стражников под микитки, слуги поволокли их на двор. Хамза, мстительно улыбаясь, отправился следом, чтобы поглядеть, как о спину Басрама обломают палки. "Кишмиш, — бормотал он, удаляясь, — из тебя самого сейчас кишмиш сделают..."

Флатун, дородный мужчина с завитой бородой, подождал, пока шум утихнет, после чего вежливо осведомился, не помешали ли драчуны почтенным гостям.

— Бывает хуже, — отвечал Конан, в упор разглядывая человека, чье золото чуть было не перекочевало в его мешок позапрошлой ночью. — А что, хозяин, не выпьешь ли ты с нами за процветание славного Шадизара?

Флатун ответствовал, что вина вообще-то не пьет, но за процветание чарку пригубит. Присел за стол, сделал глоток, вытер губы тончайшим платком и аккуратно отправил в рот маленький кусочек лукума. После чего внимательно глянул на киммерийца.

— Лицо не твое вроде бы знакомо, почтенный, — сказал он, поглаживая бороду, — не припомню только, где я тебя видел...

— Мир велик, — сказал варвар, проклиная мысленно Ловкача за то, что тот налился до ушей в самый неподходящий момент, — может где и встречались.

Ши Шелам вдруг осмысленно глянул перед собой, заметил Флатуна и заговорил почти

трезво:

— О почтенный хозяин, да сделает Митра так, чтобы борода твоя как можно дольше оставалась густой и черной, а жены твои имели достаточно молока, дабы вскармливать чад твоих, а в хозяйстве твоём царил порядок и прибыль прибывал... мн-э-э... не иссякал, богатство же умножалось...

Он замолчал, вспоминая, что же, собственно, хотел сказать, затеяв эту длинную речь. Флатун взирал на него удивленно и несколько даже испугано.

— О товаре своем печется купец, — пояснил Конан, — товар у него ценный, боится, как бы ни украл кто.

— Да-да, — облегченно закивал головой Ши Шелам, — знатный товарец, дорогой. Тревожусь я...

Флатун обиженно засопел и объявил, что тревожится нечего, "Верблюжий горб" — самый надежный постоянный двор в городе, а может быть и во всей Заморе и не было еще такого, чтобы товар из ограды умыкнули. А если гости думают, что в Шадизаре только и делают, что воруют, то эти слухи распускают злые языки, светлейший Эдарт давно навел порядок...

— Хвала Митре, — воскликнул Ловкач, — выпьем за светлейшего Эдарта! До дна!

Хозяин не мог отказаться от подобного тоста и с гулким бульканьем влил в себя всю чарку. Непослушными пальцами подхватил из вазы персик, надкусил смачно, забрызгав окружающих соком.

Потом пили за чад и домочадцев главы городской стражи, за родителей его и родителей его родителей, за мудрость его и безжалостность к врагам, за палачей его и победу верблюдов его на предстоящих бегах.

— Люблю я светлейшего, — еле ворочая языком, вещал Флатун, брезгливо отодвигая подвернувшуюся чашу с шербетом и таща через стол солидных объемов кувшин аренджунского, — Митрой клянусь, так люблю, что подарю белую верблюдицу...

Ловкач и Конан шумно одобрили это решение, а варвар тут же потребовал раки, чтобы отметить столь неслыханную щедрость.

— Раку пьет гольтыба и разбойники, — скривился хозяин "Верблюжьего горба", — но у меня есть шемское вино из пальмовых листьев, напиток столь же крепкий, сколь и приятный.

Напиток принесли, и все, включая безденежных приятелей Конана, принялись угощаться, закусывая фруктами, халвой, нугой, пахвалой, лаклаком и кус-кусом. Киммериец щедро расплачивался, нисколько не сожалея об убывающей тяжести кошеля и не обращая внимания на то, что вокруг стола сидело гораздо больше народа, чем в начале пирушки: многие посетители присоединились к празднеству и под шумок уплетали яства и наливались винами, восторженными криками поддерживала каждый новый тост.

Кто-то предложил выпить за наместника Шадизара Хеир-Агу, и все пошло по второму кругу: сиятельного вельможи тоже были жены, чада, родители, палачи и верблюды. Многие гости оставили свои кальяны, вновь наполнили чарки и присоединились к здравницам.

Флатун и Шелам уже обменялись подарками в знак вечной дружбы: Ши надел на шею хозяина серебряный медальон в виде серебряного полумесяца, а тот вручил прохвосту массивное платиновое кольцо с тремя изумрудами. Кольцо было слишком велико, и Ловкачу пришлось просунуть в него сразу три пальца.

Теперь они сидели, упершись лбами, и мирно беседовали, причем Ловкач ласково

выбирал из бороды Флатуна сладкие крошки и отправлял себе в рот.

— Скажи купец, — домогался Флатун, — что за товар у тебя?

— Тайна сия велика есть, — важничал Ши, — и покрыта она темным мраком... Но тебе друг, скажу.

— Скажи, друг.

— Это, друг, зола.

— Зола, друг?

— Зола. Прах, пепел. Т-с-с!

— Значит, это ты уплатил сегодня стражникам большие деньги за въезд в город?

— Я.

— А зачем тебе прах друг, что в нем проку?

Конан, прислушивающийся к разговору, хмыкнул. Вот-вот, жители Усмераса тоже недоумевали, зачем молодому купцу-северянину понадобилась зола с пепелища. И, конечно, не поверили, когда он объявил, что это отличный товар, который можно продать на рынке в Шадизаре. Не поверили, но позволили, нарушая обычай, опустошить пожарище, ибо получили взамен целую штуку аренджунской парчи!

— Да ведь это отличный товар, который с выгодой можно продать на шадизарском рынке! — услышал киммериец слова Ловкача. — Воистину, завтра я стану богат, и мы устроим в твоём духане, друг, ещё не такое празднество. Только вот зольцу-то мою следовало бы рассыпать на ночь по рогожам. Чтоб не слежалась. Прикажи слугам сделать это в таком месте, где не дует ветер.

— В карале можно, — промычал Флатун, рот которого был занят виноградными ягодами, — тихо там, и собаки охраняют.

— А верблюды? — спросил Ловкач невинно.

— Что верблюды?

— Так ведь съесть могут...

Хозяин "Верблюжьего горба" отстранился и недоуменно уставился на своего собеседника. Он никак не мог взять в толк, говорит тот серьёзно, или шутит. Решив держаться последней версии, он задрал к потолку завитую бороду и разразился гулким хохотом.

— Верблюды! Зола! Съесть! воистину, почтенный, ты меня рассмешил. Где это видано, чтобы животные прах вкушали? Да если хоть один из моих любимцев притронется к этой дряни, я без всякого сожаления отдам его тебе!

Ловкач поднес к губам чарку и, опустив глаза, чтобы скрыть хитрый их блеск, сказал как бы между прочим:

— Дружба наша велика есть, уважаемый, но позволь мне усомниться в словах твоих... Верблюды все-таки, не козы какие-нибудь.

Флатун, в голове которого уже возникли туманные пустоты, порожденные разнообразными напитками, понял лишь одно — задета честь его заведения. Он обиженно замычал и вдруг неуклюже полез с ногами на стол. Кряхтя, распрямил свой грузный стан и объявил во всеуслышание:

— Почтеннейшие! Этот вот человек сомневается в словах Флатуна. Он гость в Шадизаре, а посему не ведает, что слово мое крепче дамастского клинка и так же верно, как Большая Печать аренджунского владыки, если, конечно, такое сравнение уместно... Клянусь Белом, я исполню то, что обещал!

— И Митрой, — подсказал Ши.

— И Митрой! Я отдам тебе, о недоверчивый купец, любого верблюда из своего карала, буде таковой польстится...

— А белую верблюдицу? — встрял Шелам.

Флатун немного подумал, но, сообразив, что верблюдица вряд ли польстится на золу, равно как и все стальные обитатели карала, сие подтвердил.

— Так выпьем же за честнейшего из содержателей постоянных дворов! — воскликнул Ловкач, вскакывая на ноги. — Да послужит он примером всем, кто принимает гостей и печется о сохранности их товаров!

Собутыльники, приведенные Конаном, первыми подхватили здравницу. Они усердствовали особо, благо каждый получил от киммерийца по золотому и готов был под пыткой подтвердить обязательства Флатуна в том случае, если остальные гости, проспавшись, откажутся засвидетельствовать обязательства духанщика.

Флатун велел слугам со всем тщанием исполнить пожелание купца относительно его товара, потом слез со стола и не без тщеславного удовольствия присоединился к выпивающим за его здравие.

Веселье под кровом "Верблюжьего горба" еще продолжалось, когда варвар, прихватив пяток разномастных кувшинов и стараясь не привлекать лишнего внимания, выскользнул на двор и направился к воротам, где поджидал его давешний мальчишка с большим, вонючим псиной мешком.

* * *

Хабиш очухался и сразу же понял: если сейчас не хлебнет вина, отправится прямиком к Нергалу. Стражник застонал и с трудом разлепил веки. Из мрака смотрели на него два горящих глаза, щерилась зубастая пасть, а грозное рычание холодило кровь, вызывая нестерпимое желание немедленно опорожнить мочевой пузырь. "Нергал! — мелькнула паническая мыслишка. — Сейчас терзать примется..." Стало так страшно, что Хабиш вновь погрузился в беспамятство.

Когда он вторично открыл глаза, зверь все еще сидел возле, но глядел теперь куда-то в сторону. На сей раз Хабиш, в голове которого несколько прояснилось, признал одного из мастафов Флатуна. Стражник осторожно повернул голову и обнаружил, что лежит на земле возле стены карала. Он вспомнил, что, отправившись поглядеть на расправу слуг Флатуна над своим обидчиком, прихватил кувшин вина и прикладывался к нему, пока слуги пинками гнали Басрама и Хамзу за ворота: хозяин "Верблюжьего горба" давно заслужил покровительство самого Эдарта и мог позволить себе обходиться с рядовыми привратниками не лишком любезно. Помятуя о сем и опасаясь, как бы ему не досталось за компанию, Хабиш решил переждать и притаился за пустой бочкой возле верблюжьего загона. Здесь и сморила его добра выпивка, да так, что провалялся он на земле до глубокой ночи, когда в ограду постоянного двора выпускали безжалостных ночных стражей, готовых растерзать всякого, кто попадется им в неурочный час.

Пес негромко зарычал и встал на все четыре лапы. Смотрел он по-прежнему в сторону,

шерсть на загривке поднялась, кожа вокруг мокрого носа сморщилась. Помирая от страха, стражник глянул по направлению этого носа и заметил возле ворот постоянного двора некую тень. Тень шевельнулась, легкий ночной ветерок донес приглушенное ругательство и скрип отодвигаемого засова. Мастаф поскреб передними лапами и медленно, припадая к земле, двинулся в сторону таинственного существа возле забора. Словно призраки возникли еще с десяток псов — все они крались молча, готовые разом броситься на вора и разорвать его в клочья.

Створки ворот отворились. Издав яростное рычание, собаки разом ринулись вперед. В тот же миг тень возле забора словно разделилась: во все стороны, визжа и тьякая, прыснули темные клубки, вдоль и поперек покатались по двору. Мастафы застыли, словно пораженные сим невиданным зрелищем, затем с бешеным лаем кинулись в погоню.

— Кром! — взревела тень, — Куда?! На улицу, суки поганые, за ворота!

Впоследствии Хабиш спрашивал себя: как он оказался в бочке? Увы, сей стремительный маневр, сделавший бы честь любому самому проворному вору, навсегда изгладился из его памяти. Лишь оказавшись под прикрытием разошедшихся досок, стражник осмелился глянуть через вывалившийся сучок: темные клубки, словно вняв грозному окрику, во всю прыть исчезали за воротами, мастафы неслись следом. Миг — и ограда постоянного двора опустела.

Втроем, тень осталась. Она отделилась от забора, пересекла двор и скрылась в карале. Бочка стояла вплотную к тонкой стене загона, Хабиш отчетливо слышал тяжелые шаги внутри. Потом кто-то завозился и знакомый голос флатунова слуги произнес пьяно:

— А, почтенный... Давай еще выпьем во славу хозяина и милостей его...

— Отдыхай пока, — откликнулся тот, к кому он обратился: Хабиш признал поминавшего Крома.

Раздался глухой удар, и все стихло.

Любопытство пересилило страх. Стражник высунул голову и припал глазом к щели в стене карала. Удивительное зрелище открылось взору его.

В тусклом свете масляной лампы на полу, среди пустых кувшинов и опрокинутых кружек валялись пятеро слуг. Слышалось их невнятное бормотание, чмоканье и постанывание. У одного, лежавшего навзничь, на лбу темнел здоровенный кровоподтек — этот бедолага почивал безмолвно. У противоположной стены, лениво жуя оттопыренными губами, лежали верблюды. А посреди карала орудовал лопатой здоровенный черноволосый малый в полосатых штанах.

Хабиш признал молодого северянина, который давеча явился в духан и нахально уселся за их стол рядом с щедрым Себбук-акой. Верзила сгребал с расстеленных по полу рогож серую золу и ссыпал ее в приготовленные мешки, поминая при этом Крома, Нергала и отчего-то печень хозяина заведения, потом подошел к верблюдам и легко оборвал их привязи. В душе Хабиша долг боролся с простительной осторожностью: он здраво рассудил, что если вор услышит, как он покидает бочку, то настигнет прежде, чем он успеет добежать до дома Флатуна и кликнуть подмогу. Поэтому стражник решил сидеть тихо и поднять шум, когда рабитель окажется уже за воротами.

Однако северянин и не думал умыкать богатство хозяина "Верблюжьего гора". Вместо этого он принялся совершать нечто странное: зачерпывал из мешков пригоршни золы и мазал ею слюнявые рты животных. Верблюды терпели, только он решил плюнуть в человека, но промахнулся. Северянин тут же плюнул в мохнатую морду, горбатый великан разу успокоился и даже ткнулся человеку в руку, выпрашивая подачку.

— Так-то лучше, — сказал черноволосый, — прощаю, ибо надеюсь получить за тебя много золота. И запомни: если твой нынешний хозяин откажется от своих слов, я все равно приду за тобой и остальными, а ублюдку Флатуну вырву печень и съем на глазах свидетелей!

Сказав так, верзила ухватил сразу три мешка и легко понес их к выходу.

Когда он проходил мимо бочки притаившийся стражник почувствовал, что учительное желание избавиться от содержимого собственного мочевого пузыря наконец осуществилось. Слабо икнув, Хабиш снова отключился уже не видел, как страшный ночной тать возвращался за оставшейся ношей.

* * *

Вода капала на обнаженные плечи Конана — редкие, звонкие, холодные капли. Южанину подобное омовение в сыром подвале стало бы худшей пыткой, но варвару, выросшему среди ледяных озер и рек Киммерии, служило даже некоторым облегчением: струйки воды, стекая по спине, студили багровые отметины бича на его смуглой коже.

Кром, а ведь все складывалось так удачно! Когда на утро после попойки бородастый Флатун продрал глаза, Ловкач объявил ему, что забирает верблюдов. Хозяин постоянного двора выкатил свои zenки так, что они чуть не выпали из орбит.

— Погляди сам, — сказал ему Ловкач, — твои животные сожрали мою золу. Горе, горе мне несчастному, ты лишил меня единственного богатства, коим обладал я, сырый...

Ну и дальше в том же духе. Очухавшись после возлияний гости гурьбой повалили в караль. Там они застали следующую картину: по загону, волоча обрывки веревок, бродили верблюды измазанными пеплом мордами, а на полу в живописных позах храпели слуги. Зола исчезла. Флатун набросился было на нерадивых сторожей с кулаками, но один из гостей, почтенный хауранский купец, ухватил его за рукав и объявил, что, во имя справедливости, не худо бы их выслушать.

Слуги, разбуженные пинками и тычками своего хозяина, принялись слезно умолять не наказывать их слишком строго, ибо единственная вина их заключалась в том, что они напились вместе с каким-то варваром, который принес вино из духана, заявив, что хозяин, дескать, угощает.

— Как было не выпить, о справедливейший наш повелитель, — оправдывались они, поочередно целуя туфлю Флатуна, — за твое драгоценное здоровье пили мы, отец наш...

— Где северянин? — хватаясь за сердце, вопрошал хозяин "Верблюжьего горба". — Где сей шельмец, где мой погубитель?

Отрядили искать погубителя. Пока ходили за ним, гости, бывшие свидетелями вчерашнего флатунова обещания, судили и рядили, склоняясь к тому, что клятвы именем Бела и, тем более самого Миры следует выполнять, дабы не навлечь на себя страшных бедствий. Дело, впрочем, было весьма темным, свирепые мастафы Флатуна исчезли бесследно, и хауранский купец подозревал здесь колдовство.

Вскоре из духана Абулетеса явился Конан.

— Прохвост! — накинулся на него совсем потерявший голову Флатун. — Ты спойл моих слуг и скрылся! из-за тебя ми верблюды сожрали эту проклятую золу!

Киммериец пренебрежительно сплюнул и сквозь зубы объяснил, что вовсе не скрылся, а отправился ночевать к Абулетесу и провел там все время, пока его не разбудили, то почтенный Абулетес и может засвидетельствовать. Пил же он со слугами исключительно ввиду доброго расположения к хозяину "Верблюжьего горба" и по его же поручению, ибо, налившись до ушей, тот впал в благостное расположение духа и велел на славу угостить своих людей, да, видать, память ему отшибло, но это не беда, память вернуть можно, не таким возвращали, так что если жирная вонючка не возьмет назад «прохвоста» с причитающимися извинениями, то незамедлительно получит добрый удар по пустой своей тыкве. Во имя просветления.

Утомившись от столь долгой речи, Конан без лишних церемоний вырвал из рук ближайшего гостя кувшин, который тот припас для утренней поправки, и мигом осушил его содержимое.

Флатун, поглотив «вонючку», стал было спорить, но вчерашние прихлебатели киммерийца, лелеявшие в своих кошелях золотые монеты варвара, хором подтвердили, что так все и было то хозяин сам велел угостить своих служителей.

Поняв, что верблюды ускользают, как вода сквозь решето, Флатун для начала, за неимением пепла, посыпал главу свою грязным песком, потом, жалостливо постанывая, стал предлагать вместо живых золото, наложниц, своих жен, а под конец — весь постоянный двор в придачу.

Конана это предложение заинтересовало, но Ши Шелам решительно воспротивился.

— Не следует нам пользоваться твоим горестным положением, почтенный, — сказал благородный пройдоха, — ибо верблюды — дело наживное, но, помысли сам, что станешь делать ты, лишившись дозволения властей держать постоянный двор и заниматься торговлей? Утратишь вид на жительство и пойдешь по дорогам. И, хотя твои верблюды не заменят моей чудесной золы, я все же предпочту их, дабы не ввергать тебя, друг, в пучину бедствий.

Флатун представил себя бредущим по дорогам, разразился душераздирающими рыданиями, после чего вынужден был смириться с судьбой и подписать отступную. Правда, он еще пытался воззвать к суду наместника, но его гости хором заявили, что дело ясное и не следует человеку честному и благородному обременять светлейшего Хеир-Агу, у которого и так забот полон рот, своими мелкими тяжбами. Флатун готов был проглотить язык от досады: многим из купцов случалось покупать у него верблюдов втридорога, так что сейчас они рады были отыграться. Нарушь он опрометчивое слово свое, и каждый рад будет подмочить репутацию шадизарского перекупщика — имя его станут полоскать в грязной воде от Заморы до Иранистана!

Нет, что и говорить, помог див облапошить бородатого ублюдка! На прощание Флатун даже извинился за то, что в помутнении, не достойном мужа, обозвал почтенного юношу прохвостом и приглашал заглядывать еще. Он, конечно, побежал жаловаться Эдарту, как только приятели выгнали табун за ворота, да ведь у них была отступная, скрепленная личной печатью духанщика, и скрепленная при свидетелях!

Покачиваясь между мохнатых горбов, Конан и Ловкач всю потешались над недотепой, теша себя добрым вином из мехов и предвкушениями скорого богатства.

— Продадим верблюдов в Арэнджуне, — щебетал Ши, словно дурной воробей, — заработаем столько золота, сколько и не снилось! Построю себе дом, жен заведу трех, наложниц дюжину и стану придаваться нее в тени агавы, под рокот струй...

— Ты же собирался податься в ученики к Куббесу, — не удержался подколол приятеля

Конан.

На что Шелам с чувством продекламировал:

Я был бы счастлив мыслью мир объять

И самым мудрым среди суфеев стать.

Но счастье оказалось — вот оно:

Шербет, халва, девчонка и вино!

Конан вынужден был признать, что Ловкач наконец стал настоящим мудрецом.

— Только я сказал бы так, — добавил он: — баранья лытка, добрый меч, вино и баба.

Нескладно, но верно.

Ловкач согласился, что, действительно, так лучше, и заодно похвалил приятеля, помянув его проделку с собаками.

— Небось до сих пор за сучками шелудивыми по всему Шадизару гоняются, — довольно гоготнул Конан. — Известно, нет кобелю ничего сладожнее запаха течки. Видишь, крысеныш, мне чужого ума не надо, своего хватает.

Так они ехали, веселясь и посмеиваясь, и погонщики, нанятые из числа конановых лжесвидетелей, тоже гоготали, предвкушая щедрую награду и веселых аренджунских девок. Зря, выходит, веселились: хорошо смеется тот, кто смеется последним. А последними смеются обычно темные боги.

Они расположились возле придорожного колодца перекусить, когда со стороны Шадизара показалось облако пыли. Оно быстро надвинулось, явив два десятка стражников во главе с брюхатым Аббасом. Всадники тут же взяли караванщиков в кольцо, нацелив луки, а Выбей Зуб спешил и приблизился, помахивая обнаженной саблей.

— Именем закона, — пропыхтел он, — ты Конан из Киммерии, и ты, Ши Шелам, выдающий себя за купца Себбука, обманом лишившие почтенного Флатуна его собственности и причинившие доброму человеку бесчестие немедленно отдайте свое оружие и следуйте за мной вместе с украденными верблюдами и своими людьми в Шадизар, на суд светлейшего Хенг-Аги!

— Охотно посмотрю, как наместник велит отрезать твои уши, — сказал киммериец, подвигая к себе круглый щит, предусмотрительно купленный возле врат, ведущих на аренджунскую дорогу. — Ведомо ли тебе, поедатель ослиного помета, что мы имеем отступную Флатуна, составленную по всем законам?

— Киммерийский шакал! — завизжал Аббас. — Я уже клялся матерью вырвать твой поганый язык! Если бы не приказ взять тебя живым, я немедленно вырезал бы тебе и сердце!

— Начинай! — рявкнул Конан, вскакивая и обнажая клинок. — Только не обделайся, кусок дерьма!

Они готовы были же скрестить оружие, но тут Ловкач, размахивая руками и отчаянно вопя, бросился между ними.

— Постойте, добрые люди! — выкрикивал он. — Митра свидетель, мы не хотим нарушать законов! Разве не долг стражи их исполнять?! отчего почтенный Аббас так зол? Мы забрали верблюдов честь с честью, с согласия их бывшего владельца!

— Вы надули Флатуна, — возгласил Выбей Зуб, сверкая налитыми кровью глазами, — у нас имеется на то свидетель!

— Позволит ли мне почтенный страж переговорить с компаньоном? — примирительно спросил Шелам. — Я хочу убедить этого юношу подчиниться воле наместника.

Десятник вспомнив о численном преимуществе своих воинов и полагая, что прохвостам

от них никуда не деться, разрешил.

Ловкач отвел приятеля в сторону.

— Что за свидетель? — прошептал он злобно. — Ты разве не всех слуг споил?

— Он врет, — буркнул Конан, — пятеро в карале всю ночь провалялись без чувств, а того, кто стал вякать, я треснул между глаз так, что он утром еще не очухался. Охранников со двора отправил в духан, ты сам видел, как они наакались на дармовщинку. Мешки с золой утопил в колодце, привязав к ним камни. Никто ничего не видел, хитрит пузатый.

— Тогда чего нам опасаться? — сказал Ши. — Отправимся в Шадизар и докажем свою правоту...

— Да ты спятил, крыса, — зашипел на приятеля киммериец, — твой ум кончился раньше времени? Ты что же, полагаешься на милость Эдарта? Забыл о его палачах?

Ловкач что-то промямлил, но Конан уже его не слушал.

— Сделаем так, — сказал он вполголоса, — скажешь Аббасу, что смог меня убедить. Сядешь на бегового верблюда и гони все стадо прочь что было духу. Я задержу шакалов.

— Один? — изумился Ши. — Двадцать воинов удержишь?!

— Не один, а с наемниками, зря что ли деньги плачены!

Киммериец сделал незаметный знак своим давешним собутыльникам. Их было всего шестеро, но парни то были лихие, все с Пустыньки, и с городскими стражниками у каждого имелись свои давние счета.

Дальнейшее произошло очень быстро. Ловкач объявил их решение сдать на суд наместника, погонщики подняли животных, Ши уместился между горбов длинноного красавца, гикнул и погнал жоака по каменистой равнине в сторону от аренджунской дороги, отчаянно колотя животное по бокам палкой. Табун послушно припустил следом.

В тот же момент Конан и его головорезы атаковали стражников...

* * *

Сидя в повале эдартова дворца, прикованный к стене крепкими цепями, Конан признался себе, что не любит вспоминать схватки, из которых не довелось выйти победителем. Единственное, что его немного утешало — пятнадцать трупов, оставшихся лежать возле того колодца. Если не считать его приятелей: все они полегли рядом, изрубленные, заколотые, пронзенные стрелами. Зря он недооценивал стражников, они с пользой потели на учебных ристалищах под надзором свирепых десятников. Светлейший Эдарт мог быть спокоен: его люди не зря ели свой хлеб.

Киммериец рубился с изрыгающим страшные вопли Аббасом, когда сабля, полученная за аренджунскую парчу, сломалась. Варвар отбросил ее и выхватил кинжал. Он уже готовился всадить сталь в толстое брюхо изнемогшего от выпадов и угроз Выбей Зуба, когда сзади на него накинули сеть. Сеть была металлическая, мелкаячеистая, такой улавливали медведей в Карпашских горах, и упала она удачно для охотников. Потом варвар ощутил страшный удар по голове и очнулся уже в подвале, прикованный к скользкому от крови столбу.

В маленьком окошке под потолком угас едва пробивавшийся сквозь частые прутья

дневной свет и возродился вновь, прежде чем Выбей Зуб натешил свою уязвленную гордость. Нет, он не вырвал своему обидчику сердце, не отрезал, как грозился, язык и даже не поломал ни одной кости, но бич со свинцовыми наконечниками всю погулял по спине киммерийца, превратив его крепкую смуглую кожу в сплошное кровавое месиво. Аббас ждал воплей и мольбы о пощаде, но услышал только пару глухих стонов и страшные проклятья в свой адрес. Наконец, к исходу ночи он утомился, велел отвести пленника в «купель» и отправился пить и хвастать своими подвигами в казарму.

Кап, кап, кап — падала вода на окровавленные плечи. В голове гудело и бухало, кровь толчками ударяла в виски. Ненависть и сожаление душили варвара — ненависть к пленившим его стражникам, которых всегда презирал, и сожаление в собственной глупости. Разве можно было во всем полагаться на крысеныша Ши! Гнать надо было верблюдов безостановочно, и не по аренджунской дороге, а напрямик через пустоши. Нет, позабыл осторожность, уши развесил, приятеля своего дурного слушая: не станет, дескать, Эдарт слать погоню, все сделано — комар носу не подточит, расписка, печать... Вот тебе и не подточит!

Конан просидел в подвале весь день и следующую ночь (это звалось у светлейшего Эдарта "попарить"), а когда на третий день его заточения огненный Глаз Митры достиг зенита, за ним пришли. Четверо угрюмых конвойных отцепили оковы от вделанных в камень колец и, обмотав концы цепей вокруг запястий, повели пленника наверх. Пятый шел сзади, держа наготове устрашающих размеров секиру.

В зале, куда доставили киммерийца: журчал фонтан, а под высоким потолком вольно порхали птицы. Росли там даже какие-то деревья с яркими плодами, и под их сенью, окруженный прекрасными одалисками, телохранителями и челядью, встретил варвара светлейший Эдарт. Был он статен и красив лицом, густые черные брови срослись над горбатым носом, глаза под длинными, как у женщины, ресницами смотрели строго, но без злобы. Одет светлейший был в просторный изумрудно-зеленый халат, полы которого вольно спадали на ступени небольшого возвышения, где стояло кресло начальника городской стражи и одного из самых богатых людей в Шадизаре.

Натянув цепи, конвойные попытались опустить варвара на колени, но усилия их оказались тщетны.

— Оставьте его, — приказал светлейший, — но оков не снимайте, я наслышан о силе этого юноши. Скажи, северянин, зачем ты явился в Шадизар из своей Киммерии?

— Я бежал из Гипербореи, где был гладиатором, и пришел через Бритунию, — отвечал варвар, облизнув пересохшие губы. — Пришел как вольный человек попытать в Заморе удачу.

— Она не слишком к тебе благосклонна, — заметил Эдарт, — твоя короткая жизнь может кончиться в моих подвалах.

— Я не боюсь смерти, — отвечал варвар.

— Знаю также, что и пыток ты не боишься, — задумчиво произнес вельможа, — такие, как ты, многого стоят. Послушай, северянин, поступай ко мне на службу, мне нужны отважные воины.

— А если я откажусь? — спросил Конан, полагая, что хитрить с Эдартом вряд ли стоит.

— Если откажешься, я велю сначала вскрыть тебе живот и пустить внутрь голодную крысу, а потом отрубить голову и провялить ее на колу посреди рыночной площади под моими окнами. Ибо ты как вор и обманщик достоин самого сурового наказания в назидание всем, кто захочет хитростью присвоить чужую собственность.

— Это была честная сделка, — угрюмо пробормотал киммериец.

— Твой приятель, гнусный воришка по имени Ши Шелам, привез в Шадизар воз золы, — продолжал Эдарт, пропустив эти слова мимо ушей. — Распустил слух, что его товар многого стоит. Вы подпоили добросердечного Флатуна и вырвали из его уст опрометчивое обещание. Ночью ты вынес золу, измазав предварительно морды верблюдов так, чтобы казалось, будто животные ели пепел. Тем самым вы сумели завладеть табуном и белой верблюдицей, цена же оной превосходит всякое разумение. И гнусные ваши замыслы увенчались бы успехом, ибо поклявшись Митрой при свидетелях обязан держать слово, но справедливость, как утверждают мудрецы, всегда торжествует, и все тайное становится явным. У меня есть свидетель, обвиняющий тебя, варвар, в гнусном обмане!

Светлейший лопнул в ладоши, и в зал, беспрерывно кланяясь, вошел один из стражников, игравших с Ловкачом в кости. За ним с довольной рожой следовал Выбей Зуб.

— Хабиш, — манул в сторону свидетеля Эдарт, — служит под началом доблестного Аббаса. Он все видел.

Хабиш пал ниц и поклялся Митрой, что говорит чистую правду, после чего довольно связно изложил ночные события на постоялом дворе Флатуна. Конан мысленно обругал себя ослом: надо было заглянуть в ту бочку и оторвать ублюдку голову! Чтобы он еще раз пустился на хитрые уловки! Куда безопасней грабить, не оставляя живых свидетелей.

— Как видишь, выбор у тебя не богат, — заключил судебное разбирательство светлейший, — либо позорная казнь, либо верная служба. Ты можешь кровью искупить свою вину, северянин.

Конан взглянул на гнусную физиономию ухмыляющегося Аббаса, и кровь ударила ему в голову.

— Я не стану плясать под твою дудку! — крикнул он, в бессильной ярости стараясь разорвать оковы. — Уж скорее на шадизарском привозе и вправду станут торговать золой, чем киммериец добровольно подставит свое плечо под рабское клеймо!

— Клянусь Митрой, — насмешливо сказал Эдарт, — если таковое чудо произойдет: я, пожалуй, отпущу тебя и даже разрешу тебе и твоему дружку две луны беспрепятственно обдeldывать в Шадизаре свои делишки!

Окружавшие вельможу разодетые лизоблюды подобострастно захихикали, а Выбей Зуб забулькал горлом и согнулся пополам, сотрясаясь своим жирным телом.

— Решай незамедлительно, — повысил голос Эдарт, — кол или казарма! Что там за шум?

Сквозь распахнутые настежь окна, выходившие на рыночную площадь, долетели какие-то крики. Выбей Зуб услужливо затрусил к окну и высунул наружу голову. Когда он вернулся, его нижняя челюсть покоилась чуть ли не на брюхе, а вся физиономия являла такое изумление, словно он увидел посреди торга танцующего слона или замбабвийского крокодила, разгуливающего на задних лапах.

— Верблюды, — пролепетал десятник, едва удерживая на ставших ватными ногах свое грузное тело, — целый караван... Купцы... они продают... они...

— Да говори же! — рявкнул Эдарт.

— Золу! О боги, они привезли в Шадизар золу!

Начальник городской стражи сорвался со своего кресла и, забыв всю причитающуюся его сану степенность, бросился к окнам. Следом устремилась челядь, телохранители и невольницы. Только Выбей Зуб остался сидеть на полу там, где подкосились его ноги.

Вернулся Эдарт уже не столь торопливо, подошел вплотную к пленнику и спросил севшим голосом, в котором не было ничего, кроме изумления:

— Ты знал об этом, поганец?

— Клянусь Кромом, нет, — отвечал варвар, не в силах еще поверить, что Ловкач каким-то неведомым образом догадался, как вызволить его из беды. — Но ты поклялся Митрой, светлейший, поклялся при свидетелях...

Вельможа удалился на свое возвышение и воссел, пребывая в крайней задумчивости. Он поклялся Всевидящим, слов нет, но кто о том ведает? Прикажи он, и все, кто слышал, будто немые, как рыбы. Никто никогда не узнает, как сгинул молодой варвар, вот уже долгое время смущавший покой честных шадизарцев. Его долг — охранять их собственность и блюсти законы. И все же...

И все же не все законы писаны на земле. Эдарт о сем ведал и не раз видел тому подтверждение. Он сдержит свое слово, но только свое. Кто помешает иному человеку, не обремененному ни клятвой, ни положением, свершить возмездие? Пока киммериец слаб после пыток, пока опьянен нежданной свободой.

— Снимите с него оковы, — приказал вельможа.

Когда варвар, растирая затекшие руки, уже направлялся к выходу, он не удержался и спросил:

— Ты не хочешь поблагодарить меня, северянин?

— Нет, — отвечал Конан, — ты только исполнил то, что обещал именем Митры. Да и что тебе благодарность «поганца»? Я припомню твои слова, светлейший, а ты не забудь: что отдал мне Шадизар на две луны.

Когда варвар вышел, глава стражи подозвал очухавшегося Аббаса и отдал короткий приказ. Десятник хищно осклабился и выскользнул за украшенную богатым орнаментом дверь залы.

* * *

Размахивая полупустым кувшином с вином, одолженным в духане Тааз-аки, Конан брел по узкой улочке Пустыньки. Ноги его заплетались, он шатался так, что стучался о стены домов, из которых за его спиной высывались испуганные лица обитателей. Узнав киммерийца, да еще пьяного вдрызг, обитатели поспешно захлопывали двери и задвигали засовы, а иные и ставнями прикрывались — от греха подальше.

Когда фигура варвара скрылась за углом, на улице словно из-под земли возникли трое в черных плащах с капюшонами, закрывающими лица.

— Там тупик, — сказал один из людей, отличавшийся от своих спутников грузным телосложением и уверенностью движений, — попалась птичка!

Все трое устремились и свернули за угол.

Там, действительно, был тупик, грязный, заваленный мусором. Но рассмотреть толком сей унылый закоулок Пустыньки двое не успели: человек, притаившийся возле стены, сделал два молниеносных выпада, и его нож дважды наполнился кровью.

Третьему преследователю нападавший железной рукой сдавил горло. Тот забился и

захрипел, капюшон упал, открыв толстое посиневшее лицо с выпученными глазами.

— Что Аббас, пора тебе нергалье отродье на вкус попробовать, — сказал его противник, — дождешься на Серых Равнинах, привет передавай.

Десятник так и не понял, откуда у Конана взялся нож. Он следил за киммерийцем от самого дворца и уверен был, что после ночи в подвале тот едва переставляет ноги, а когда варвар хлебнул вина, Выбей Зуб и вовсе решил, что справится с ним без особых хлопот.

Сейчас он понял, как жестоко ошибся: рука, сжимавшая его горло, была словно из стали, а синие глаза смотрели ему в лицо с холодной ненавистью. Он почти безучастно, словно убивали кого-то другого, смотрел, как острая сталь, поворачивается, входит ему в живот, и поднимается лезвие, вспарывая плоть, и наливается алым ткань рубахи... Потом в глазах вспыхнули огненные круги, и мир померк для него навсегда.

Отшвырнув безжизненное тело, Конан перешагнул через поверженного врага и направился сквозь лабиринт улочек к лачуге Шелама. Он не был уверен, что застанет его там, но Ши сидел за свой убогим столом, двигая по выщербленным доскам золотые монеты.

— Деньги считаем? — сказал киммериец, входя через низкую дверь.

Ловкач вскочил, радостно всплеснул ручонками и полез обниматься. Конан толкнул приятеля на лавку и уселся сам.

— Друг, — зачастил Ши, ерзая тощим задом, — а я слышал, упрятали тебя собаки эдартовы, в подвалы упрятали и Выбей Зуба напустили... Сам он и хвастал в казарме, а стражники по всему городу разболтали. Как же ты вырвался из лап аббасовых?

— Так и вырвался, — сказал варвар, — Аббас же лапы откинул. Ты лучше скажи, что случилось с нашими верблюдами?

— Какими верблюдами? — Ши наморщил узкий свой лобик, силясь вспомнить. — Ах, верблюдами! Продал я их, киммериец, как есть продал. Барыш вот как раз делил поровну — а ну, думаю, вернется тигр моего сердца, надо его долю припрятать. Только трудная задача вышла: двести тридцать и еще пять золотых никак пополам не делятся.

— Что-о?! — взревел Конан. — Двести тридцать пять монет за табун верблюдов? Удавлю, крыса! Куда остальные спрятал?

Ловкач привычно нырнул под стол, откуда и пропищал обиженно:

— Почему двести тридцать пять? Я кольцо Флатуна загнал, нам от кривого Дамара еще пятьсот причитается.

Конан знал кривого Дамара, скупщика краденого, который был кое-чем обязан киммерийцу и на обман вряд ли решился бы. Поэтому варвар милостиво разрешил Шеламу выбраться из-под стола и велел поведать, что случилось с ним после того, как они расстались у колодца на аренджунской дороге.

И Ши поведал, что гнал верблюдов во весь дух, и все было бы хорошо, если бы белая потаскуха не увела половину стада куда-то в одной ей ведомые края, не желая, очевидно, делить первенство с вожаком, которого подгонял Ловкач. Сказывают, белые верблюдицы только в Вендии случаются, так она не иначе туда и подалась, чтоб ноги ее отсохли...

— Да, — сказал Конан, склоняясь к тому, что Ши навряд ли станет ему врать, побоится, — убежал твой дом аренджунский вместе с женами и наложницами. Но остальных-то ты продал?

Ловкач подтвердил, что остальных продал, и не где-нибудь, а в Усмерасе.

— Пораскинул я умишком своим, что стражи Эдарта нас в Арэнджуне искать станут, ну и решил податься в Усмерас. Там меня с почетом приняли, суфеем величали. Много я им чего

наболтал про то, как золой в Шадизаре торговать выгодно и еще чего-то... Забыл наутро.

— Еще бы, — проворчал Конан, — третий день кончился.

— Что болтал, забыл, а о деле нашем помнил, — продолжал Ши важно. — Загнал им верблюдов по-дешевке, а что было делать? Народ там прижимистый, да и чудной малость. Пришли ко мне старейшины ихние и вопрошают: палить им свои дома или не палить?

— Что-что? — удивленно переспросил киммериец.

— Ну, они решили, что раз в Шадизаре за один воз золы можно табун верблюдов поиметь, то уж, спалив весь Усмерас, они потом себе золотые хоромы отгрохают.

— Так значит, эти дурни торгуют сейчас золой на рынке? — хмыкнул варвар.

— Они. А я так мыслю: нарушили усмеранцы древний запрет, тронули пепелище, теперь и поплатятся.

Ловкач взял со стола монету, потер о подол своего рубища и, поднеся к самому носу, принялся внимательно разглядывать.

— Ладно, — сказал Конан, — твое хитроумие — моя удача. Подарок дива, коим ты столь опрометчиво воспользовался, загнал меня под плеть, но он же и вызволил меня, да еще с немалой выгодой. Знай же, крыса, что светлейший Эдарт поклялся Митрой не трогать нас целых две луны, а за это время можно с лихвой наверстать упущенное. Думаю, начальник стражи сдержит слово — смерть Аббаса послужит ему предупреждением. А если и нет, мы все равно славно погуляем: деньги есть и на доброе оружие, и на выпивку, и на приличное платье — чтоб в лучшие кабаки пускали... Кстати, куда ты подевал свой богатый наряд?

— Я отдал его нищему, — сказал Шелам, продолжая изучать деньги.

— Ну так и есть, — воскликнул варвар, — кончился твой ум, как есть кончился!

— А вот и нет, — вскочил вдруг Ловкач, — слушай-ка!

Он встал в позу, отвел в сторону руку с монетой и прочел:

Прославлен будь в веках,

о тигр моей души,

И не забывай, что... мн-э-э...

лучший твой друг -

это Ловкач Ши!

Потом застыл с разинутым ртом, провел ладонью по губам и воскликнул:

— Не понял! Что это я тут болтаю, а, Конан?

И тогда киммериец, откинув свою черноволосую буйную голову, расхохотался во все горло.